

ABOUT AN INTUITION PRIMATE IN THE CLINICAL MEDICINE

Authors:

Atabek B. Kutlumuratov - Kaliningrad region hospital (Kaliningrad city, Kaliningrad region, Russian Federation), atabekb@yahoo.com;

Sardor B. Kutlumuratov - Hazorasp regional hospital (Hazarasp city, Horezm region, Republic of Uzbekistan).- +998946513710, +998937498121

О ПРИМАТЕ ИНТУИЦИИ В НАУКЕ ВРАЧЕВАНИЯ

Авторы:

Кутлумуратов А.Б. – Калининградская областная больница (г. Калининград, Калининградская область, Российская Федерация), atabekb@yahoo.com

Кутлумуратов С.Б. – Хазараспская районная больница (г. Хазарасп, Хорезмская область, Республика Узбекистан).

Abstract

The importance of physician intuition in epistemology of medicine is discussing from positions of philosophical pragmatism and E. Husserl's phenomenology in this article. Pragmatism reduces essence of scientific knowledge to adequate understanding of person interests, and asserts applicability of knowledge for achievement of practical goals as criterion of truth. Phenomenology reduces essence of scientific knowledge to intuitions of subject essences of thing: consciousness seizes subject relation with thing with meanings helping. Our consciousness uses meanings to control subjects. Husserl's intuitivism implies, that primate of signification in modern scientific thinking determines distinctions between empirical and theoretical sciences. Empirical sciences are theorizing objects of material world; theoretical sciences are theorizing ideal objects.

Regions' essences are researching in theoretical and empirical sciences, and each subject is considered example of carrier of these essences. Essence of separate subject is not goal of such sciences. Usually we represent knowledge as result only of signification conscious activity: we have meanings of theoretical objects in theoretical sciences and theoretical meanings of real objects - in empirical sciences. Intuition does not take into consideration. However, when management by single object becomes goal of scientific cognition, role of intuitions in constitution of subject's singularity becomes obvious. Disciplines, which are investigating essences of unique objects, and controllability of them we can define as "practical sciences". This distinguishes them from theoretical and empirical sciences. Humanitarian sciences are practical disciplines. Thus, we can consider combined effect of acts of signification and discretion of essences as important epistemological principle for the modern pragmatism.

Perception by physician of person's individual nature in direct contact with patient is basic subject of medicine. Physician perceives health nature of each person across all regions of realities. To help to patient a physician uses knowledge of various sciences, and the individual nature of patient, and he researches self-applicability of patient. Physician controls identical semantic perception of individual nature of patient by unceasing intuiting during all process **doctoring** of patient.

Doctoring is adequately ending, when intuiting of painful essences of individual patient's nature depletes. Nevertheless, intuition as cognition method works in modern medicine spontaneously. Intuition as facility of control of rational applying by physician of empiric and theoretic methods has not investigates. It is necessary serious scientific comprehension of this fact by philosophizing physicians together with medical and philosophical community.

Key words: *pragmatism, phenomenology, intuition, signification, empirical sciences, theoretical sciences, practical sciences, doctoring.*

I. Введение

Всякая интеллектуальная деятельность склонна к философскому размышлению, и для того чтобы понять современную науку, нужно понять ее философские основания (Lee, 2012). Согласно Башлярю, науки создают философию (Bachelard G., 1934). Каждая наука исследует некоторый регион реальности, и специфическое восприятие его накладывается на понимание всего бытия: наука способствует развитию философии, философия – пониманию сущности науки. В частности, философия обеспечивает медицину аналитическими и методологическими инструментами исследования ее проблем, медицина ставит философские проблемы (Tosam, 2014). Философское понимание природы улучшает понимание сущности здоровья, болезни и медицинской помощи (Janicek, Hitchcock, 2004). Философ изучает медицину не только для того, чтобы развивать философию, но и для того, чтобы понять природу самой медицины: он исследует метафизические, онтологические, эпистемологические, аксиологические и этические модели медицинского знания и практики (Marcum, 2008). Философия борется с заблуждениями, влияющими на здравоохранение и здоровье, а медицина – с болезнями человеческого тела; философские истина и понимание излечивают душу, а медицина способствует здоровью тела (Tosam, 2014). Еще Демокрит писал Гиппократу, что знание философии – сестра медицины, ибо философия освобождает от страстей душу, а медицина избавляет от болезней тело (Гиппократ, Соч., т.3, письмо 23, 1941)¹. Гиппократ считал медицину искусством, требующим от врача не только практических знаний и навыков, но и умения избегать интеллектуальных ошибок, которое дает философия; он утверждал, что «врач-философ подобен богу» (Гиппократ, Соч., т.1, 1936, с.111). Гален учил, что «хороший врач является еще и философом», и называл медицину «искусством» (Балалыкин Д. А. с соавт., 2014). Авиценна выделял в медицине теоретическую и практическую части, каждая из которых есть наука, и тоже называл медицину искусством (Ибн-Сина, 1981, С.5-8.).

Современную медицину считают иногда областью практического приложения биологии (Дильман В.М., 1987). Ее делят на теоретический раздел (биомедицину) и раздел практический (клиническую медицину), считая практическую медицину потребителем знаний, полученных биомедициной (Rose N., 2007). Но медицина больше, чем наука, и не сводится только к формулировке законов и теорий, ибо хорошему врачу кроме научных знаний нужен опыт, воображение, критическое мышление, умение проводить клиническое исследование и *интуиция* (Montgomery, 2006).

В данной статье сделана попытка с позиций философии прагматизма и феноменологии Э. Гуссерля осмыслить роль и значение врачебной интуиции в эпистемологии медицины, понимаемой как практическая наука. При этом мы исходили из того, что и прагматизм, и феноменология не являются системами законченных положений с готовыми рецептами мышления. Мы лишь стремимся использовать их основные идеи как повод для размышлений о значении врачебной интуиции в эпистемологии клинической медицины. Интерпретация и анализ этих двух систем и оценка их вклада в общепризнанное понимание эпистемологии – задача самих философов. Но представители наук заинтересованы в восприятии более или менее установившихся идей этих систем для того, чтобы философски осмысленно применять научные методы в каждой науке. О продуктивности такого восприятия говорят результаты попыток создать феноменологическую психологию (Spinelli E., 1995; Giorgi A., 2003). Наша цель – акцентировать внимание на проблемах философии, связанных с особой, исторически сложившейся ролью интуиции в клинической медицине как практической науки. Причем не в последнюю очередь нам бы хотелось уточнить само понятие «практическая наука», которое мы стремимся отделить от понятия «эмпирическая наука». Без развития медицинской эпистемологии невозможно преодолеть ряд проблем, с которыми столкнулась

¹ Подлинность цитируемого письма считается сомнительной (Карпов В.П., С.32). Однако сам факт обращения к теме общения крупнейших представителей философии и медицины Древней Греции свидетельствует о том, как глубоко составители *Corpus Hippocraticum* чувствовали связь между медициной и философией.

современная клиническая медицина как наука врачевания. К их числу относятся проблемы, обострившиеся в связи с биоэтической постановкой вопросов правового регулирования отношений между пациентом и врачом, получением современного врачебного образования, совершенствованием системы здравоохранения и др. (Universal Declaration on Bioethics...).

II. Интуиция и основные идеи прагматизма

Согласно прагматическому правилу Пирса (Peirce C.S., C.P.,5.402, 1878), если рассмотреть, какие практически значимые следствия могут вытекать из нашего понятия об объекте, то наше представление об этих следствиях есть все, что составляет наше понятие объекта. В частности, действия объектов могут иметь практические следствия. Тогда наше представление об этих действиях будет составлять всю совокупность представлений об этих объектах (Peirce, CP 5.438, 1878). Поясняя это правило, Пирс приводит пример: нет абсолютно никакой разницы между твердой вещью и мягкой вещью до тех пор, пока они не подвергнуты испытанию, поскольку только практически можно убедиться в истинности представления о консистенции вещи (Peirce C.S., C.P.,5.403, 1878). Тем самым Пирс заостряет внимание на необходимости всегда убеждаться в истинности наших представлений и на том, что убедиться в их истинности мы можем только практически, то есть в самой текущей жизни. Мысль и язык являются посредниками практических истин, а истинность знаний определяется достижимостью практических целей. Мы не можем обладать идеей, связанной с чем-либо еще, кроме чувственно воспринимаемых следствий вещей (Peirce C.S., C.P.,5.401, 1878). Пирс делает важную оговорку: поведение человека не детерминируется полностью последствиями его поведения. Люди обычно свободны в выборе поведения, но им приходится учитывать обстоятельства, влияющие на его последствия. Это значит, что и в единичном познании, и в общем процессе познания прагматизм стремится к рациональному ограничению познаваемой предметности, к «экономии мышления» в целом. Ограничение предметности познания и экономия мышления детерминируются характером следствий, которые мы хотим получить в качестве результата познания. Прагматизм сознает, что реальные феноменологические обстоятельства, в которых мыслит человек, бесконечно шире, нежели реально познаваемая предметность. Сознание не просто вообще мыслит вещи, оно начинает их сознавать, когда придает им определенные значения, смыслы в связи с обстоятельствами, предметно ограничивающими цель их познания. Таким образом, уже в самом процессе своего зарождения прагматическая философия столкнулась с проблемой феноменологии сознания, с ее рефлексивной природой.

Согласно Пирсу, прагматизм - метод рефлексии, постоянно имеющий в виду свою цель и цель идей, которые мы подвергаем анализу (Peirce, CP 5.13, note 1, 1902). То есть прагматическое сознание рефлексивирует относительно цели и целей анализируемых им идей. Пирс считал, что всякая мысль об объекте связана с предварительным моделированием в сознании индивида цели его познания, что и определяет ясность понимания объекта. Для нас нет ничего более ясно сознаваемого, чем наши желания и цели. Но другое дело, что не всякая цель достижима, а достижимая цель достижима не всегда и не всюду. Прагматическое сознание рефлексивирует, прежде всего, относительно *достижимости* целей. Достижимость становится первым критерием отбора целей познания и анализируемых прагматическим сознанием идей. Иногда важно просто знать, что мы реально способны достичь, это нас укрепляет, придает нам уверенность. И прагматическая интуиция подсказывает нам, какая цель достойна того, чтобы считаться достижимой, в каких обстоятельствах та или иная цель достойна того, чтобы к ней стремились, и какие идеи – чтобы считать их способствующими достижению цели. Мы черпаем эти подсказки из самой проблемной ситуации и из опыта.

Любые соображения исходят из того, что определенное поведение обязательно влечет приобретение определенного опыта (Peirce, CP 5.9, 1905). Отсюда следует максима прагматизма: *значение научной концепции следует из принятия ею во внимание практических следствий ее истинности; совокупность этих следствий составляет полное*

значение истинности концепции. Иными словами, постоянно имеющаяся в виду цель познания, интуиция цели познания придает пониманию познаваемого объекта характер очевидности. Определенность цели мобилизует определенные интуиции, задает вектор отбора интуиций, определяя этим ее достижимость. Таким образом, за определенностью поведения и приобретением определенного опыта стоят определенные интуиции цели и интуиции, определяющие ее достижимость и мотивирующие определенность поведения. Интуиции как бы управляют отношением между пониманием необходимости определенных целей с одной стороны и пониманием их практической достижимости - с другой. Для практического достижения целей можно использовать только очевидные знания, целесообразность применения которых несомненна, поэтому мы стремимся к очевидным знаниям и несомненной целесообразности.

Классический прагматизм Ч.С. Пирса и его последователей признает носителем истины идею, то есть мнения, полагания, утверждения и т.п., выразимые в форме пропозиций. (Peirce C.S., C.P., 5.53, 5.565., 1931-1958). Истинна идея, выполняющая свою функцию, позволяющая достигать целей, для достижения которых она предназначена. Ложная идея не работает, не достигает провозглашаемых ею целей.

Таким образом, эпистемология прагматизма Пирса провозглашает *примат интуиции цели*, которой отводится особое положение среди всех интуиций. Интуиция цели делает другие интуиции практически применимыми, привлекая (мобилизуя) их для того, чтобы сделать цель достижимой. Сознание направляется на получение результата, оцениваемого с точки зрения ее влияния на достижимость цели, что особенно важно в науках, которые мы далее определим как *практические*. Пока мы отметим лишь, что эти науки не только теоретически осмысливают единичные предметы и эмпирически их исследуют, но и *применяют* предметы и связанные с ними идеи для достижения конкретных практических целей, удовлетворения конкретных потребностей. Представления о медицине как практической науке развивал еще Авиценна (Ибн-Сина, 1981, С.5-8.). Он и подчеркивал особо момент *применимости знаний* о болезни в качестве отличительной черты медицины как практической науки. Важно сознавать, что в практических науках применяются не просто теоретические и эмпирические знания, а и сами *единичные* эмпирические предметы. Причем применение эмпирических единичных предметов заключается главным образом в преобразовании и управлении самими эмпирическими предметами. При этом исследуется их предметная единичность, единичная сущность, взятая в потоке ее естественной трансформации или целенаправленных преобразований. Данное обстоятельство и придает интуиции особое значение в эпистемологии таких наук. Момент единичности предмета, его само-применимость (применимость в процессе целенаправленного преобразования самой его предметности) определяет специфику таких наук.

Например, магистральная траектория развития эпистемологии медицины как практической науки определяется приматом цели врачевания конкретного пациента. Понимание конкретной цели врачевания пациента определяет характер отбора эмпирических и рациональных методов его обследования и познаваемых с их помощью индивидуальных сущностей, используемых врачом для достижения этой цели. Все, что позволяет достигать цели врачевания, истинно для медицины. Мы подчеркиваем, что именно понимание целей врачевания конкретного пациента составляет основную проблему клинической медицины. Все сущности, которые усматривает сознание врача как полезные для конкретного пациента, идут в дело. Прошлый опыт и опыт восприятия конкретного пациента используются врачом для понимания целей, которые он должен преследовать, и задач, которые он должен решить, чтобы сделать их практически достижимыми. Поставить диагноз – значит обозначить цель и поставить вопрос о ее достижимости.

Любое знание считается достоверным в той мере, в какой оно воспроизводимо. Воспроизводя же знания, мы явно или неявно воспроизводим и интуиции, сходные с теми, которые когда-то породили эти знания. Мы как бы открываем свое сознание интуициям, породившим эти знания. Дедукции, к примеру, не просто служат пониманию, а

предполагают воспроизведение сознанием определенных интуиций, на которых строится дедукция относительно тех или иных знаний. Концепции, теории и гипотезы представляют собой стандартные дедуктивные конструкции, служащие воспроизведению смыслов, составляющих содержание знаний. В каждой конкретной проблемной ситуации мы привлекаем известные теоретические и эмпирические знания. Но испытанию на достоверность в каждом случае их применения подвергаются не только знания, но и породившие их интуиции, сопоставляемые с интуициями, привлеченными в текущей ситуации. *Научное знание в медицине считается достоверным, если оно воспроизводимо в процессе достижения индивидуальных целей врачевания по поводу конкретного пациента.* Воспроизводя знания, врач неявно выходит своим сознанием на воспроизводство интуиций, лежащих в основе соответствующих знаний о достижимости целей врачевания. Но врач воспроизводит не только уже работающие интуиции, он конституирует и новые интуиции - в соответствии с содержанием конкретного клинического случая.

Пирс отрицал интуицию как способ познания, отличный от логического способа. Будь это иначе, то *интуиция* означало бы познание, не обусловленное предыдущим знанием того же объекта (Peirce C.S., C.P., 1868, 5.213). Понятая так интуиция означало бы посылку, которая сама заключением не является. При этом посылки и заключения суть суждения, а интуиция должна быть любым *иным* видом познания, не следующим из познаний-предпосылок, а данным непосредственно. Следовательно, интуиция должна быть чем-то не являющимся суждением, и должна быть обусловленной непосредственно трансцендентным объектом. Познание, суждением не являющееся, не может обуславливаться предыдущими познаниями. Познание же, подобным образом обусловленное, может быть обусловлено непосредственно трансцендентным объектом.

Понятая так интуиция участвует в познании лишь в случайных, трансцендентных обстоятельствах. В таком смысле Пирс считал возможным говорить об *интуиции* как отдельном способе познания. При таком (формальном) понимании сущности интуиции, она становится фикцией, лишним понятием в эпистемологии. Ведь в интуиции, понятием как непосредственно данное знание, нет еще мысли, но все, что осмысляется, имеет прошлое (Peirce C.S., C.P., 1868, 5.253). В действительности, считает Пирс, любое знание следует из знаний-предпосылок. Мы начинаем любое суждение с какого-то знания в качестве предпосылки или без явных ссылок на него, но имея его в виду. Следовательно, заключает он, мы не способны различать интуитивное и опосредованное знание. Пирс фактически выступает против принципа универсального сомнения Декарта, придерживаться которого из формальных соображений он также не считает возможным. Сам характер обсуждения им сущности интуиции носит формальный характер и потому оказывается девальвированным.

Однако когда говорят об интуиции, обычно имеют в виду саму способность усматривать сущности, которые как бы *сразу* наделяются тем или иным смыслом. Усмотрение сущности само по себе не требует того, чтобы у него было прошлое, был опыт, оно не требует предварительных знаний об усмотренном. Для него достаточно самого текущего опыта осознания сущностей. Но что касается наделения смыслом усмотренной сущности, то тут, очевидно, без опыта смыслового восприятия не обойтись. Уже здесь мы можем различить восприятие смыслов и восприятие сущностей. Воспринимать сущность – значит воспринимать нечто единичное, отличие от того, что существует вне этой единичности. Смысл же есть суждение, чем интуиция в радикальном значении этого понятия (на чем настаивал Пирс) не может быть. Но, подчёркиваем, интуиция как термин чаще всего употребляется именно в значении акта прямого усмотрения сущностей. Когда сознание усмотрело *нечто*, то это значит, что объект дан ему как минимум в значении «нечто существующее» здесь и сейчас. Тогда интуиция не должна отличаться от акта усмотрения этого наипростейшего смысла, присутствующего и в любом, простом и сложном, суждении. В актах интуиции нам даются сущности, которые моментально оказываются выразимыми в этом простом суждении об объекте. Это понимание интуиции мы имеем далее в виду. Тем самым мы будем следовать в целом картезианскому пониманию интуиции, которое, как нам

кажется, не требует того, чтобы считать интуицию методом мышления, радикально отличающимся от дедукции. Такая радикализация означала бы, что в процессе попыток осмыслить сущность интуиции мы не должны ею пользоваться, поскольку заведомо мы не знаем того, с чем имеем дело. Устранив же эту радикальность, мы смогли бы прояснить вопрос о том, чем именно является интуиция в отличие от познания на основе известного знания. Но можем ли мы знать того, что вот в данный момент, в данном рассуждении мы *не* пользуемся интуицией? Очевидно, не можем. Ведь это означало бы, что мы не знаем того, что когда мы сознаем, то всегда сознаем *нечто*. Но в таком случае в этом акте нет и самого сознания. Здесь не о чем говорить. Или: можем ли мы *не* знать того, что в данном суждении мы пользуемся интуицией? Очевидно, не можем. Ведь если мы называем интуицией акт сознания, в котором оно сознает *нечто*, то отвергать тот факт, что мы именно пользуемся интуицией бессмысленно. Остается лишь заметить, что ни в первом, ни во втором случае мы не воспользовались предыдущими знаниями. В каждом конкретном случае восприятия мы имеем дело с различными «нечто». И содержание каждого нечто также мы будем воспринимать посредством прямого интуирования элементов этого содержания.

Р. Декарт (Descartes R., 1985, Third rule) понимал интуицию как понятие ясного и внимательного ума, *отличающееся* от веры, основанной на обманчивости чувств, и от суждений, основанных на беспорядочном воображении. То есть в его понимании интуиция не является суждением, рождающимся в стихийном воображении ума, и не является суждением, отличным от упорядоченного, то есть строгого, суждения. Интуиция у Картезия просто означает, что это особо проясненная мысль, и не более этого. Но и не менее того. И как мысль, понятие интуиция есть все же суждение. Интуиция дает предельно простое и отчётливое *понятие*, не оставляет никакого сомнения относительно существования того, что в ней мыслится. То есть интуиция дает суждение, несомненность, убедительность, ясность которого является, согласно Декарту, его отличительным свойством. Прочное понятие ясного и внимательного ума порождается как бы естественным светом разума, и благодаря своей простоте оно более достоверно, чем дедукция. То есть у Декарта речь идет о простоте как основе убедительности и ясности интуиции. Интуиция – это акт, непосредственно постигающий истину, как бы чувствующий истинность и не нуждающийся в логическом анализе истинности содержания сознательных переживаний. И это вовсе не означает, что интуиция не может обмануть. Но в простом суждении обмануться намного труднее, чем в дедукции. Это значит, что логическое знание в картезианском понимании является более сложной конструкцией сознания, нежели интуиция. Интуиция основана на *воображении* и *предшествующем опыте*, она как бы прямо вникает в суть вещей. Она не должна противопоставляться опыту и воображению, они сами без нее не были бы возможны.

Различные толкования картезианского понятия интуиции не изменили его главной сути. Ключевыми моментами являются *простота* и *несомненность* интуитивного понимания вещей. В каком-то смысле эти моменты сходятся: простота не дает повода для сомнений, несомненность не дает повода для дальнейших упрощений (для превращения простой и ясной по себе мысли в сложное дедуктивное суждение). В этих двух моментах интуиции обнаруживается свойство принципа экономии мышления, характерного именно для упорядоченного ума. Они также не обязывают нас проводить принципиальные различия между интуицией и дедукцией как модусами познания. Важно, на наш взгляд, другое: в интуиции проявляет себя сама способность сознания различать то, что достойно быть осознанным, быть предметом *осмысливающей фиксации внимания*. Интуиция является подлинным инструментом экономии нашей мысли. Но, безусловно, понимание интуиции как инструмента экономии мышления труднее воспринять и осмыслить, чем ясные и понятные принципы экономии мышления на основе *интуитивно* ясного понятия цели, результата, которые мы преследуем в процессе познания. В этом смысле может даже показаться, что быть прагматиком легко. Ведь прагматиками считают себя едва ли не все без исключения – в той или иной мере. Но важно задуматься над тем, что эту легкость прагматизму дает интуиция, которая легко и просто, не вдаваясь в дальнейшие детали, вводит нас в область

прагматического метода мышления. Нам остается лишь пользоваться плодами интуиции, когда мы уже объявили приоритетом познания свои *интересы*, которые каждый из нас с предельной ясностью (как ему представляется) сознает.

Согласно Джемсу, прагматизм эклектичен (James D., 2010). Он отличается от обычного эмпиризма тем, что ничего не имеет против употребления абстракций, если те что-то действительно *проясняют*. Это означает, что прагматический интуитивизм психологически нейтрален по отношению к методам установления истинности знаний. Прагматизм не имеет предубеждений, открыт всему, считается со всякой гипотезой, прислушивается ко всем аргументам. В частности, она безразлична к тому, приобретены ли знания дедуктивно или интуитивно (индуктивно), целенаправленно или случайно. Это значит, что прагматизм также психологически нейтрален по отношению к любым интуициям, он оценивает их с точки зрения их роли в достижении практических целей. Но ведь одно только это придает интуиции критическую значимость в прагматическом мышлении.

Джемс считал, что рационалисты ошибаются, когда обвиняют психологизм в превращении истины в относительную сущность и полагают, что истина познаваема только с логической, но не с психологической точки зрения. Действительно, трудно найти логика, который бы не *чувствовал*, и эмпирика, не *анализирующего смыслы*. Сами попытки дать однозначные определения эмпиризму или рационализму в медицине считают в некотором смысле лишенными благоразумия (Shryock R.H., 1969, p.102). Но рационалиста и эмпирика объединяет уверенность в том, что их мировоззрение прагматично, то есть - применимо. И эту применимость усматривает их же интуиция. Прагматизм как философский метод отличает уважение к миропониманию каждого, в основе которого лежат особенности его интуиций. Нужно идти до конца и уважать интуиции каждого, без которых невозможно миропонимание. Тем более – если интуиции ведут к достижению позитивных целей.

По Джемсу такие сущности как *здоровье* и *богатство* обнаруживаются в фактах (James D., 2010). Здоровье есть лишь название для хорошо протекающих процессов пищеварения, кровообращения, сна и пр. Но мы *склонны* рассматривать его, как некий самостоятельный принцип, и говорить, что человек *потому* так хорошо спит и переваривает пищу, что он *здоров*. Истина *так же мало (или - так же много) существует ante rem, как и все эти остальные понятия*, найденные прямым усмотрением. С этой точки зрения слова «wealth», «health», «strength», «truth» ничем не отличаются друг от друга. “Истинное” - это просто лишь удобное в образе нашего мышления, подобно тому, как “справедливое” - это лишь удобное в образе нашего поведения. Наша интуиция превращает любую различаемую им сущность в некое «это», или «нечто», в предстоящую нашему сознанию предметность. Это «нечто» нами именуется и наполняется смыслом, значением. Согласно Джемсу, здоровье есть название интуитивно усмотренного нами значения процессов, которые мы различаем как состояние нашего тела и психики. То же относится к нашим представлениям о красоте и добродетелях. Прагматизм уравнивает этические, эстетические, эмпирические и рациональные знания, поскольку все они могут быть оценены с точки зрения выгод для человека. Знания способны быть «хорошими», «приятными», вызывать позитивные чувства только потому, что они ведут к полезным с определенной точки зрения результатам.

Прагматизм Джемса обращает внимание на то, что в различных обстоятельствах в нас как бы рождается решимость учитывать сущности, словно они существуют также предметно, как вещи. Мы склонны рассматривать их, чтобы объяснять реально наблюдаемые факты как следствия этих сущностей. Мы усматриваем такие сущности и развиваем представления о них, *окупая* этим практически необходимые следствия, вытекающие из представлений о них. Реальность, с которой нам приходится считаться, которая нам навязана (ибо в нее мы как бы вброшены помимо нашей воли своим сознанием), оказывается данной в фактах, объясняющихся нашими представлениями об этих сущностях. Проецируя эти соображения на медицину, мы находим, что здоровье и болезнь – базовые сущности, наполняемые смыслами в терминах медицины как практической науки. Ими мы решительно, безо всяких сомнений, обозначаем сущности, *интуитивно конституированные нашим сознанием* как наши болезни и

наше здоровье. Эта решительность обусловлена императивами благополучия, необходимость которого нашим сознанием не обсуждается, не дедуцируется, не выводится из каких-то предпосылок, а принимается как данность. Ибо эта необсуждаемость (равно - беспредпосылочность) и есть само проявление интуиции благополучия. Благодаря этим императивам здоровье навязывается сознанию как ясно различимое сущностное «нечто», получает свое имя и наполняется смыслами, значениями, окупающими практические действия по сохранению и восстановлению нашего благополучия. Интуиция, выступает как *первый* способ нейтрализации навязываемых нашему сознанию фактов путем придания им *первичных* смыслов и конституирования *вторичных, третичных и т.д.* сложных сущностей, в частности - такой сущности как «состояние здоровья».

Джемс утверждал, что ошибка рационализма аналогична ошибке сентиментализма. Оба они извлекают из грязи конкретных фактов опыта некоторое качество опыта и находят его после этого столь чистым, что начинают противопоставлять его, как нечто отличное и более высокое в сравнении с его конкретными, но грязными проявлениями. Между тем свойством истин, их сущностью, является то, что их *подтверждают, проверяют*. Подтверждение наших идей всегда *окупается*. Наша обязанность искать истину проистекает из нашей общей *обязанности делать то, что окупается*. То ценное, что приносят с собой истинные идеи, есть единственное основание, почему мы обязаны следовать за ними. Эти же основания мы встречаем и в случае здоровья. Тем самым Джемс прямо указал на прагматические основания философии медицины как науки врачевания. Действительно, пациент следует советам врача постольку, поскольку идеи врача касательно его здоровья несут для него то, ради чего он и обращается к врачу. С его точки зрения врачевание окупается: идеи врача позволяют ему вернуть или защитить свое здоровье. С точки зрения врача врачевание окупается его умением добиваться лучших результатов, в которых заинтересован пациент. Врач как профессионал хочет максимально большей окупаемости истин, устанавливаемых им в процессе врачевания конкретного пациента. И это профессиональное желание заставляет его постоянно сверять свое понимание состояния пациента с реальной динамикой этого состояния. Его профессиональная интуиция в той или иной мере напряжена в течение всего того времени, которое отводится на врачевание его пациента, она как бы непрерывно контролирует динамику врачевания.

Согласно Джемсу, в своем реальном мышлении любой из нас не можем сделать шага вперед без проверок истин, сообразуясь с обстоятельствами. Когда должен я признать эту истину, а когда ту? Когда можно отправить истину на хранение в амбары энциклопедии и когда нужно извлекать ее для битвы? Должен ли я постоянно твердить истину, имеющую вечное право на признание, или же она в известных случаях не имеет никакого значения? В реальной жизни нам нужны не капитализированные абсолютные истины, а истины *ad hoc*; их нельзя найти и применить, не изучив текущие обстоятельства, в которых потребность в них не только заявляет о себе, но и определяет характер их применения. В таких, прагматически детерминированных, ситуациях интуиция становится основным инструментом познания.

Очевидно, что наша обязанность признавать истину всегда детерминируется, иначе это не было бы обязанностью. Разумеется, существуют истины, требующие абсолютного признания; но конкретные истины могут признаваться лишь тогда, когда их признание мотивировано. Мой ответ на конкретные вопросы в конкретных обстоятельствах должен соответствовать именно этим конкретным обстоятельствам, а не абстрактным, не выдуманнным, не имевшим место в прошлом. Обстоятельства всегда ограничивают применение истины, понимаемой обычно как абстрактный императив, они модифицируют его смысл в соответствии с условиями ее применения. Поэтому *прагматическое толкование сущности истины* обязывает нас согласоваться с действительностью, основываться на конкретных выгодах. Прагматик всегда чувствует себя между наковальней всех капитализированных истин прошлого и молотом фактов окружающего его чувственного мира. Он лучше, чем кто-либо еще, способен сознавать колоссальное давление объективного контроля, под которым наш ум совершает свои операции. Поэтому прагматизм Джемса не только не отвергает психологизм как

ошибочную позицию, но и требует считаться с ним, ибо нет иного пути его преодоления, кроме как нейтрализации посредством усмотрения нейтрализующих сущностей и наделения их нейтрализующими смыслами. Психологизм побуждает нас к свершениям. Проблема лишь в том, чтобы эти свершения были адекватны психологизму.

Шиллер считал, что любой опыт психологичен постольку, поскольку за ним стоят цели, потребности и просто эмоции человека (Schiller F.C.S., 1930). Это значит, что психологическая мотивация мобилизует интуицию определенного рода, способствует приобретению определенного опыта. Шиллер полагает, что истинность нашего суждения доказывается благоприятными для нас следствиями, вытекающими из принятия этого суждения. Однако не все, что ведет к определенному результату, истинно, а только то, что сопряжено с познавательными, моральными и гуманистическими целями. То, как мы определяем, что та или иная истина служит этим целям, зависит от наших интуитивных усмотрений того, что следует считать познавательным, моральным и гуманистическим. Познание сопряжено с рациональностью познавательного, морального и гуманистического целеполаганий, канализующих принятие тех или иных теоретических установок, и эту рациональность целеполаганий как сущности усматривает все та же интуиция.

Согласно Миду (Mead G.H., 1938), потребность в познании возникает из необходимости разрешить проблемную ситуацию, которая детерминирует смыслы высказываний, инструменты познания и предполагаемые результаты. Сознание руководствуется смыслами пережитых актов и реализует себя смыслами текущих актов. Определенностью нашего поведения мы *практически* подтверждаем свои интуиции, усматривающие определенное понимание нами проблемных ситуаций как очевидностей. Наши знания о вещах, взятые сами по себе, лишь проясняют некоторый конкретный опыт их восприятия. Знания становятся практическими тогда, когда они используются для прояснения проблемной ситуации. Так, врач решает задачи, вытекающие из профессионального прояснения им проблемной ситуации конкретного пациента на языке клинической науки – клиническую проблемную ситуацию пациента. В этом ему помогают навыки, эмпирические знания и понимание научных концепций, которыми располагает медицина. Навыки, эмпирические знания и понимание научных концепций помогают врачу мобилизовать интуиции для прояснения текущей проблемной ситуации конкретного пациента, и этим способствуют ее разрешению.

Представления об истине и благе, о ценностях формируются в сообществах людей и обусловлены самой природой социальности (Mead G.H., 1938). Социальность определяет характер благоприятствования интуициям тех или иных ключевых смыслов истин и благ, которыми мы руководствуемся, преследуя свои цели. При этом она учитывает, насколько эти смыслы согласуются с целями сообщества. Успехи в познании сопутствуют лишь обществу, которое эффективно управляет ключевыми смыслами общественной жизни, регулирует духовное единение членов социума, генерирует социально-психологическую атмосферу, благоприятствующую раскрытию их творческого потенциала. При этом одну и ту же ситуацию разные люди проблематизируют по-разному. Точка зрения личности на проблемы общества, в силу ее собственного видения проблемной ситуации в обществе, ее гражданской позиции может сильно отличаться от таковой других. Однако именно из таких позиций складывается социальный климат, ценностные приоритеты общества.

По Дьюи (Dewey J., 1916) прагматизм суть метод познания, состоящий в превращении неопределенной проблемной ситуации в ситуацию определенную, в рамках которой она поддается разрешению. Разрешение это достигается путем мыслительных экспериментов и естественного отбора наиболее эффективных и практичных гипотез. Мы рассматриваем лишь те понятия, гипотезы и выводы, которые соотносятся с нашими желаниями, намерениями, целями. «Прагматичность» - это способ соотнесения понятий, гипотез, выводов с вытекающими из них прикладными, эстетическими, моральными или воображаемыми следствиями. Желания, намерения и цели можно реализовать лишь как следствия из наших понятий, гипотез и выводов, определяющих детали нашего поведения.

Иными словами, необходимо осмысление проблемной ситуации - наделение ее определенным смыслом, следствием чего и становится характер ее разрешения. Эти смыслы должны быть нами усмотрены. Для нас важно то, что *определенность проблемной ситуации должна быть усмотрена*, то есть важно существование акта, усматривающего эту определенность со всей очевидностью. Потребность в экспериментах, их характер, вводимые в рассмотрение гипотезы, понимание их эффективности и практичности и, наконец, их естественный отбор происходят не сами по себе, а благодаря соответствующим интуициям. Потребность в экспериментах, гипотезы и выводы должна быть усмотрена как очевидность. Сами желания, намерения и цели также усматриваются, то есть нуждаются в специфическом акте сознания – интуиции, которая наделяет их статусом очевидности, ясности.

Выясняется, что с прагматической точки зрения усмотрение очевидностей – основа сознания, определяющая его способность выходить непосредственно к реальности, саму способность его иметь дело с реальностью.

Согласно Декарту мы отличаем интуицию от дедукции потому, что в дедукции обнаруживается движение, некая последовательность, чего нет в интуиции (Descartes R., 1985, Third rule). Для дедукции не требуется наличной очевидности, как для интуиции, но она заимствует достоверность у памяти. Положения, непосредственно выводимые из первых принципов, познаются в зависимости от их рассмотрения то посредством интуиции, то посредством дедукции. Первые принципы познаются только посредством интуиции, а отдаленные следствия - только посредством дедукции.

Но откуда в дедукции берется «некая последовательность»? Разве речь не идет о последовательности очевидностей, конституирующих дедуктивный акт по мере их вовлечения в эту последовательность и наполняющих эту последовательность дедуктивным смыслом? Что есть «движение», обнаруживаемое в дедукции? Разве оно не есть движение, заключающееся в вовлечении очевидностей в становление дедуктивной последовательности? Разве эти очевидности не усмотрены в интуитивных актах в прошлом, и поэтому дедукция может заимствовать их у памяти? И разве дедукция не может заимствовать очевидность у интуиции, сопровождающей непосредственно сам текущий дедуктивный акт, помогающей ему быть полноценной дедукцией? Очевидности даны сознанию как материал для построения дедуктивных последовательностей. Выбор материала осуществляет именно интуиция, с очевидностью усматривающая необходимость именно того материала, а не этого. Разве не именно это имеет в виду Декарт, утверждая, что очевидность и достоверность интуиции требуется не только для высказываний, но также и для каких угодно рассуждений (там же)? Они - необходимый элемент любого суждения. И это обстоятельство подсказывает нам, что интуиция составляет саму суть суждения, является тем, что делает суждение сознаваемым и понимаемым. Интуиция выхватывает очевидности из памяти или схватывает их в данных непосредственного созерцания вещей. Интуиция улавливает необходимость определенной последовательности этого выхватывания и схватывания. В актах интуиции сознание схватывает очевидности, придавая тому, что им усмотрено тот или иной смысл. Она усматривает возможность придания именно этого смысла, а не другого. Таким образом, интуиция порождает *факты, выражаемые смыслами утверждений о предмете познания и верифицируемые как очевидности*.

В актах интуиции сознание решает, какая дедукция необходима, и чутко улавливает момент, когда необходимость в ней с очевидностью наступила. Интуиция действует от имени нашего сознания и контролирует ход сознательных актов на всей его траектории. Она выныривает из самой жизни, порождающей сознательность, и сразу устремляется к объекту познания непосредственно. Она с очевидностью *обнаруживает* то, что должно быть осознанным, наделенным определенным смыслом. Она делает внимание осознанным, позволяет держать под контролем сознания ход событий. И до тех пор, пока наша интуиция не упускает из внимания положение дел, сознание сохраняет ясное их понимание.

Сознание само ясно в той мере, в какой ему удается контролировать положения дел посредством интуиции. Поэтому естественно понимать интуицию как способность прямого

постижения истины без предварительных логических суждений и доказательств. Интуиция есть некоторая мысль (любая мысль суть суждение), которую сознание сходу наделяет значением истинности, исходя из самого ее содержания. Необходимые внешние условия (контекст) истинности при этом как бы принимаются полностью наличными, без специальных оговорок. Условия истинности не рассматриваются без особой на то необходимости. Сама же очевидность служит посылкой других суждений. В случае необходимости дополнительных посылок мы уже имеем дело с логическим анализом. Однако сама необходимость новых предпосылок при этом следует уже из других очевидностей. То есть сознание ищет новую "беспредпосылочную опору" в некоторых новых интуициях.

Для полного понимания сути интуиции нужно учесть, что интуиция способна усматривать следствия прежде посылок, выводить предпосылки из усмотренных ею следствий. Точнее, она усматривает в следствиях способность опережать предпосылки, и тем самым – становится предпосылкой самой себя. Эта особенность интуиции как сознательного акта ясно обнаруживается при рассмотрении суждений, выражающих цель. Мы не всегда сознаем, как именно возникает интуиция наших целей, что служит им очевидной предпосылкой. Цели просто *выражают* наши желания, даже капризы, *следуют* из осознания жизненной необходимости их достижения или просто из чувства долга. Разумеется, всегда можно найти какое-то обоснование возникшим желаниям, целям, но истинность их определяется их достижимостью, а не психологическими предпосылками, которые привели к их появлению. Именно достигая цели, мы *оправдываем* и неявные предпосылки, породившие ее, и этим *доказываем* истинность цели - самим фактом ее достижения.

Согласно корреспондентской (классической) теории истины, истина есть мысль, соответствующая некоторой реальности, когда то, что утверждается мыслью, имеет место в действительности. Говорить истину значит говорить о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорить о них иначе - значит лгать (Платон, т.1, с.417.). Говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, - значит лгать; говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, - значит говорить истину (Аристотель, т.1, с.141.). С прагматической же точки зрения истинна любая идея, если она реализуема, если она работает, если она позволяет достигать полезных целей. Истина — это полезность знания, его эффективность, то есть истинным является сообщение, позволяющее достичь успеха (Peirce C.S., C.P., 5.53, 5.565., C.P., 1931-1958.)

В классической концепции истины понятие реальности отождествлено с понятием объективного мира, существующего независимо от познающего его сознания. С прагматической точки зрения реальность *используется*, она *модифицируется* в соответствии с нашими целями. Мы также используем себя, применяем себя. Разное использование мира и себя порождает разное понимание истины. Но если взять во внимание используемость реальности и ее модифицируемость в интересах человека, то классическая теория истинности предстает как крайний вариант когерентной теории истины. Согласованность интересов с реальностью и непротиворечивость сообщения не суть одно и то же. Поэтому когерентную теорию истины, в свою очередь, можно рассматривать как разновидность прагматической теории истины. Прагматизм не ставит познание в зависимость от определения истины, он пользуется той или иной теорией истины, ставя выбор понимания истины в зависимость от достижимости целей, ради достижения которых истина толкуется.

С формальной точки зрения явный или скрытый источник противоречий - серьезный недостаток теории, поскольку тогда любое высказывание можно доказать. Это уже хаос, а не порядок, который только и может быть применимой системой. От такой системы нет никакой *пользы*, и нет потому, что она не отвечает определенным нуждам, в ней нет какой-либо определенной *необходимости*. Любая теория необходима лишь постольку, поскольку она *полезна* в определенных обстоятельствах. Чтобы быть полезной, формальная система стремится освободиться от определенных противоречий, что важно с точки зрения сознания, которое ею хочет *воспользоваться*. Но в естественных системах, каковым является сама

обыденность, нет жестких правил, полностью исключающих противоречия. Противоречия здесь рассматриваются с разных точек зрения, каждая из которых не стремится исключить любые противоречия, но лишь определенные, и не любой ценой, а сообразуясь с возможностями. Мы обычно стремимся исключить лишь те противоречия, не считаясь с которыми, мы можем нанести ущерб своим интересам. Собственно говоря, мы их не исключаем из рассмотрения, мы их *учитываем*, и, учитывая, вводим в систему соображения, *нейтрализующие* противоречия, и этим избегаем ущерба, который они могут нам нанести. Чтобы защитить зерна в амбаре, не обязательно истреблять всех мышей в округе, достаточно завести кошку. Прагматическое сознание стремится к *контролированию* противоречий в своих интересах, а не к полному их уничтожению. И именно поэтому интуиция становится его основным методом: постоянный контроль – это постоянная настороженность, постоянная работа интуиции. Формальная же система предназначается для автоматической работы, но интуиция, отрезвляющая сознание, нарушает автоматизм.

Всякий интерес, всякая цель есть мысль, суждение. Всякое суждение-цель становится истинным, а цель – достижимой, если будут усмотрены *дополнительные* сущности – предпосылки, которые делают цель достижимой. Для удовлетворения желаний нужно создавать предпосылки, при наличии которых они могут быть удовлетворены, и тогда желания подтверждаются как истинные. Эти предпосылки сначала нужно осознать в качестве предпосылок цели. Сами по себе они не вытекают непосредственно из интуиции целей. Кто-нибудь может желать учиться в Гарварде, но реализация этого желания предполагает предпосылки, благоприятствующие его удовлетворению.

Как и любой смысл, предпосылки нейтральны по отношению к цели, но именно поэтому ими можно пользоваться. Смыслы как бы живут собственной жизнью, независимой от обстоятельств, при которых эти смыслы были интуитивно усмотрены или дедуктивно выведены. Сознание, имеющее в виду некоторую цель, мобилизует *дополнительные смыслы*, варьирует ими, чтобы превратить суждение-цель в истинное суждение. Такое превращение может быть результатом дедукции в том лишь случае, если необходимый для дедукции материал (смыслы-предпосылки, ведущие к цели) будет предоставлен сознанию *дополнительными интуициями*, отобран им в качестве предпосылок, подходящих для достижения цели. Интуиция цели сама по себе еще не равносильна ее достижимости, но она фиксирует цель как очевидную необходимость. Фиксация ее позволяет сознанию мобилизовать дополнительные смыслы, а вместе с ними и интуиции, которые конституируют, усматривают эти смыслы. Среди смыслов-предпосылок оно отбирает те, которые с очевидностью могут быть предпосылками достижения цели. Заодно сознание отбирает и интуиции, которые конституируют отобранные предпосылки. Мы пользуемся знаниями, которые получены другими людьми, лишь постольку, поскольку мы доверяем их авторам как первоисточникам. Но это не равносильно применению интуиций первоисточников. Мы неявно доверяем интуициям, на основе которых эти знания были конституированы первоисточниками. Но это не равносильно обладанию этими интуициями. Мы можем применять только свои интуиции и обладать только своими интуициями.

Интуиция цели служит каркасом, несущим дополнительные интуиции, ответственные за смыслы-предпосылки, способствующие достижению цели. Сама цель существует как бы *a priori*, независимо от присутствия *достигающих* ее предпосылок. Вне этого каркаса предпосылки нейтральны и могут быть использованы для достижения других целей. Науки, цель которых – познание в классическом значении слова, создают знания, сами по себе нейтральные к человеческим целям. В эпистемологии этих наук цель познания объектов – знание об этих объектах само по себе. Конкретные практические цели не играют в них существенной роли. Эпистемология таких наук (*теоретических* и *эмпирических*) сосредотачивается на методах познания, на самом понимании объектов. Но предполагается, что добытые знания будут применяться. Истины таких наук нейтральны по отношению к их применению, к достижению тех или иных практических целей. И поэтому мы называем их объективными истинами. Но представление о достижимости цели как основании истинного

знания составляет особенность эпистемологии *практических наук*. Они не являются разновидностью эмпирических наук, как часто полагают. В отличие от эмпирических наук их интересует сущность единичных предметов и управление единичными объектами. В них применение знаний не просто предполагается, а является самым условием научного познания. Здесь познание объекта напрямую зависит от применения знания и от применения самого объекта. Практические науки развивают знания, истинность которых определяется возможностью на их основе удовлетворять потребность людей в достижении целей, связанных с их потребностями.

Итак, истинность дополнительных интуиций определяется тем, как они влияют на достижимость цели. Их совокупность выбирается таким образом, чтобы достижимость цели стала очевидностью. Так, интуиция подсказывает изобретателю очевидную цель - механизировать процесс шитья (фиксация необходимой цели). Достижение этой цели он рассматривает как свою задачу. Изобретатель ищет решение задачи в проектировании траектории, достигающей цели. Интуиция подсказывает ему, что для механизации шитья ушко иглы лучше поместить на ее кончик, а не в основание как в иглах для ручного шитья (дополнительная интуиция, делающая цель очевидно достижимой). Далее следуют другие интуиции, с очевидностью ведущие к построению аппарата для механизированного шитья. Цель достигается благодаря дополнительным интуициям, которые обычно сами по себе нейтральны к цели. Ведь в интуиции сущность усматривается непосредственно как очевидность, а каждая очевидность дана сознанию независимо от другой очевидности. Но сознание может конституировать из нейтральных друг к другу смыслов сложные смысловые комплексы. В рамках каждого смыслового комплекса одна очевидность служит предпосылкой для другой. Изобретатель рассматривает достижимость цели как проблему конституирования комплекса очевидностей, позволяющего достичь некоторой цели, интуированной при столкновении сознания с проблемой. Проблемы навязываются сознанием обстоятельств. «Дорабатывая» осознаваемые проблемные обстоятельства *нейтрализующими* их соображениями, сознание конституирует комплекс очевидностей, *нейтрализующий моменты* навязывания их нашему сознанию. Проблема решается.

Располагая достаточным количеством дополнительных интуиций, мы всегда можем рационально объяснить последовательность своих шагов на пути к цели. Когда цель достигнута, последовательность шагов сделанных на пути к ней, выглядит так, словно она вытекала из дедуктивных рассуждений. Из этих рассуждений исключаются многие интуиции, рассмотренные в процессе поиска путей к цели. Огромная работа сознания по отсеиванию массы вариантов остается невидимой. Но, несомненно, что именно эту работу сознание поручает интуиции.

Дополнительные интуиции выхватываются не только из памяти, но и конституируются уже в процессе достижения поставленной цели. В процессе решения инженерной задачи иногда совершаются «побочные» научные открытия. Такие интуиции могут модифицировать само наше понимание достижимости цели. Врачи по ходу хирургической операции часто отклоняются от первоначального плана, необходимость в этом усматривается уже по ходу операции. Первоначальную цель приходится модифицировать в соответствии с открывающимися уже в ходе операции обстоятельствами, чтобы *реализовать цели*, максимально учитывающие *интересы пациента*. Любой врач в любой момент готов отменить свои назначения, сделать новые, максимально учитывая интересы больного.

Потребность в интуициях, дополнительных к интуиции цели, посредством которых осмысливается любая проблемная ситуация, делает прагматическое сознание эклектичным. В эклектизме выражена установка сознания на широкий охват возможных интуиций, ведущих к целям субъекта. Вместе с тем эклектическая открытость сознания открывает ему доступ к потенциально бесконечным интуитивным вариациям действительностью, к модификациям самих целей. Она позволяет увеличивать «площадь контактов» сознания с самой реальностью, использовать самые надежные интуиции, максимально проясненные интуицией интересов субъекта. Она ведет к тому, что развивается и само прагматическое

сознание, развивается сама антропная реальность. Но при этом прагматизм лишь использует возможности интуиции в условиях эклектического многообразия возможностей. Цель, интересы могут организовывать вторичные интуиции, если сами они как первичные интуиции прояснены. Но, в конечном счете, прагматическое сознание опирается именно на интуиции, а не сами цели, когда стремится к *контролю* противоречий в своих интересах, а не к полному их уничтожению. Поэтому прагматическое сознание может варьировать и целями. Это гораздо больше, чем нужно для того, чтобы тезис Дюгема-Куайна (Quine, W.V.O., 1953) был справедлив. Именно интуиция - основной метод, позволяющий прагматическому сознанию быть постоянно настроенным. Именно интуиция ответственна за онтологическую относительность видения достижимости цели, ибо видение ее достижимости суть подобие научной теории, относительно которой мы только и можем выносить онтологические суждения (Quine W.V.O., 1968). Поэтому прагматик как никто иной заинтересован в понимании того, как именно работает интуиция, чем, собственно говоря, она является. Но прагматическая интерпретация сущности интуиции, подчиненная ее основным идеям, которые сами порождены интуицией, не может считаться удовлетворительной с точки зрения самого же прагматизма. Организовать, упорядочить работу прагматической интуиции на основе самого прагматизма не удается.

Итак, есть существенная разница между пониманием сущности наук философами с одной стороны и профессионалами этих наук с другой. У них различны исходные интенции и соответственно - установки на очевидность, открывающуюся их интуициям. Философ склонен решать философские проблемы наук «в принципе» и несет ответственность за очевидности, носящие принципиальный характер для познания в целом. В отдельных науках постановка проблем существования человека определяется сущностным пониманием исследуемой ими области реальности. Цели их определяются бытием человека в границах этой области. Очевидности в каждой из таких областей носят специфический характер. В особом положении оказываются практические науки, цели которых детерминированы интересами людей и направлены на разрешение групповых и даже персонифицированных проблем. Специфические различия практических наук определяются различиями интересов, которые они призваны удовлетворить, и целей, которые с их помощью мы можем достичь.

Врачевание как практическая наука связано с необходимостью разрешать клинические проблемные ситуации конкретных пациентов. Для врача ценность медицинских знаний определяется их способностью обеспечить достижимость целей, в которых заинтересован конкретный пациент и он сам как профессионал. По-видимому, это означает, что интуитивизм клинической медицины, понимаемой как практическая наука, можно адекватно выразить лишь языком философии прагматизма. Но, как мы увидим далее, прагматический интуитивизм клинической медицины можно раскрыть во всей его полноте в рамках интуитивизма Гуссерля. Мы увидим, что феноменологическая концепция интуиции очень хорошо объясняет саму суть врачебного мышления, которое и минуты не может обойтись без интуиции. Нигде мы не находим столько признаков онтологической относительности, сколько во врачебном мышлении. Интуитивизм Гуссерля находится в хорошем согласии с самой историей медицинской науки и с ее современным состоянием. На примере медицины как науки врачевания мы покажем, что интуиция является важнейшей составляющей научного и обыденного сознания, что именно благодаря ей мы можем охарактеризовать обширную группу областей современного научного знания как область практических наук. При этом мы сможем проводить четкое различие этой группы наук от наук эмпирических.

Но сначала мы должны дать общую характеристику интуитивизма Гуссерля, который первым глубоко осознал, что для каждой области реальности, которые он назвал регионами, понятия *существовать* и *мыслить существование* имеют специфические смыслы (Levinas E., 1963, ch.1.). Онтологические категории, различаются соответственно различению регионов, и они как бы разграничивают существование *на регионы*. Каждый *регион* составляет объект *региональной онтологии*. С помощью идей Гуссерля и комментариев Левинаса мы спроецируем основные идеи феноменологии на регион, исследуемый

медициной, и выясним обстоятельства, которые позволят осмыслить медицинскую науку с не совсем привычного ракурса, ничуть не поступившись при этом ее многовековыми достижениями. Скорее, это осмысление позволит нам понять лучше суть самой медицины, понять, чем она в действительности является. Оно позволит увидеть, что медицина, которую изучают в медицинских вузах, сильно отличается от той, которая в действительности существует не менее чем 24 века. Но мы сразу должны заявить следующее: специфическим регионом, исследуемым медициной является индивидуальная природа человека, сущность которой выступает как абсолютная единичность.

III. Об интуиционизме Гуссерля

В данном разделе мы попытаемся извлечь из главных трудов Гуссерля основные идеи феноменологического интуитивизма, которые можно спроецировать на эпистемологию клинической медицины. Это «Логические исследования» (далее ЛИ), «Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии» (далее Идеи), «Картезианские размышления» (далее КР) и др. Важным ориентиром нам будет труд его ученика Е. Левинаса (Levinas E., 1963), в котором дано истолкование учения Гуссерля как последовательного философского интуитивизма. Философское понимание нами, авторами данной статьи, сущности интуиции в сильнейшей степени связано с нашим врачебным и научным опытом в медицине. Поэтому некоторые моменты этого учения мы могли воспринять не так, как оно выглядит у Гуссерля или Левинаса. В этой связи мы бы хотели быть правильно поняты читателем: наша цель понять сущность прагматической интуиции врача и то, как это понимание стыкуется с феноменологическим пониманием сущности интуиции. Мы бы хотели также подчеркнуть: то, о чем мы ведем речь, не имеет прямого отношения в феноменологической психологии и психиатрии, главным объектом которых является сущность переживания. Нас интуиция интересует как объект эпистемологии клинической медицины (то есть – науки врачевания), которую мы рассматриваем как практическую науку (в том смысле, о котором мы сказали выше, в разделе II). Именно в науке врачевания наиболее выпукло проявляется специфическая черта практических наук – прямая зависимость познания объекта от применения знания и от применения самого объекта. Она определяется тем, что интуиция проявляет себя в них не столько как психологическое свойство сознания, сколько как важнейший аспект метода научного мышления.

Мы исходим из того, что в развитии философии медицины должны быть заинтересованы, прежде всего, сами врачи. Это скорее область их профессиональных философских интересов, чем «чистых» философов.

Феноменологию Гуссерль определил как дескриптивный, философский метод. На его основе были созданы априорная психологическая наука, способная стать основой для построения строгой эмпирической психологии, и универсальная философия, развивающая средства для систематического пересмотра наук (The Encyclopedia Britannica, 14-th ed., 17, 1939, p.699).

Описание всегда есть описание того, что усмотрено сознанием в полаганиях, догадках и в чувственном восприятии и конституировано в суждениях. Феноменология сама предстает как продукт интуиций ее основателя и его последователей. По мнению Левинаса, одного из выдающихся учеников Гуссерля, феноменология во многом является учением об интуиции как акте, в котором сознание соприкасается с реальностью (Levinas E., 1963 – ch. 5,6,7). В этом суть тезиса «Назад, к вещам!», провозглашенного Гуссерлем. Теория интуиции является для Гуссерля способом философствования, вытекающим из самой его концепции бытия (Levinas E., 1963, Intr.). Гуссерль, утверждает Левинас, обладал интуицией своей философии до того, как создал философию интуиции, и это означает, что знание «смысла» бытия не тождественно знанию его свойств. Знание «смысла» существует некоторым образом *a priori*. Применительно к философии прагматизма Пирса мы могли бы сказать, что

смысл цели как объекта сознания дается прагматическому сознанию до того, как цель достигается.

Любой объект начинает сознаваться с момента восприятия его как предметной сущности, то есть уже в значении «нечто». Смысл «нечто» состоит в том, чтобы быть именно *единичным нечем*, данным сознанию здесь и сейчас, в этом текущем акте, и этот смысл будет сопровождать весь этот акт. Любой предмет начинает сознаваться в значении «нечто существующее», что само по себе не нуждается в иных посылках, кроме обладания актом интенции предметности. Достаточно того, что предмет *дан* сознанию как в некотором смысле существующий.

Согласно Гуссерлю, сознание интенционально, то есть своими актами оно всегда направлено на предмет, всегда является *сознанием о чем-либо* (ЛИ, Т.2.V, §84; Идеи I. §35-37). Сознание не копирует вещь, оно его предметно *представляет*, то есть оно направлено на его представление. Являясь сознанию поначалу как «нечто», реальный объект (физический или идеальный) затем наполняется предметным содержанием. Предмет является сознанию многообразием способов его данности, конституируется им, обретает свое содержание, свое бытие в процессе его восприятия. Явленное сознанию «нечто» наполняется конкретностью единичной вещи. Понятие *направленности* сознания следует понимать как избирательность сознания объектов. Эту избирательную направленность «*сознания-о*» Гуссерль и называет интенциональностью. Определенность познаваемого предмета, сам факт, что сознание видит предмет – следствие интенциональной природы сознания. Согласно Сартру, «интенциональность» для Гуссерля означает, что сознания может существовать только как сознание о чем-либо, каким-либо образом *отличающемся* от самого сознания (Sartre J.-P., 1947). То есть познаваемое познается постольку, поскольку *обладает отличием от сознания*, и это отличие сознанием усматривается. Более того, сознание направлено постольку, поскольку оно *отличает*. Сознать – значит сознавать моменты различия сознанием себя и познаваемого. Значит, все, что мы познаем суть то, что отлично от сознания. Сознание противостоит миру постольку, поскольку оно отличает его от себя.

Мыслить, размышлять – значит, в широком смысле слова сличать, отметил Н. Höffding (Н. Höffding., 2007). По Н. Höffding в этом значении мышлением можно назвать самое простое познание, которое дает ощущение; даже простое узнавание есть с этой точки зрения мышление. Чтобы было что сличать, нужно сличаемые сущности видеть сознанием, они должны быть отличимы в первую очередь от сознания. Поэтому у Гуссерля тезис о сути мышления предельно точен – все то, на что направлено сознание, выхвачено им как сущность уже мыслится, познается. В акте мышления мыслящее «Я» и сама мысль как воспринимаемое сознанием «НеЯ» соединяются в интенциональное единство. Поэтому концепция интенциональности Гуссерля естественным образом включает понятия *ноэсис* (греч. νόησις – мышление) и *ноэма* (греч. νόημα – мысль) (Идеи, §87-96). Ноэсис обозначает реальное интенциональное переживание, образуемое ноэсами - направленными актами сознания. Ноэма представляет собой интенциональный коррелят ноэсиса. В поздних работах он использует соответственно латинские термины - “cogitatio” (“cogito”) и “cogitatum”. Сущность интенционального переживания в том, чтобы скрывать в себе нечто, подобное “смыслу”, скрывать в себе даже и многогранный смысл, и затем, на основе такого надления смыслом и воедино с этим, осуществлять иные свершения, которые именно благодаря такому надлению смыслом и делаются “осмысленными” (Идеи, §88). Многообразным датам реального, ноэтического наполнения всегда отвечает многообразие дат коррелятивного “ноэматического наполнения”, дат, подтверждаемых в действительно чистом интуировании, — дат “ноэмы”... (там же).

В ноэсисе (мышлении как сознательном переживании) являет себя момент реализации актов сознания или способ данности предмета. Воспринимая, вспоминая или воображая, я вовлекаю в акты сознания нечто как познаваемый предмет одним лишь его подразумеванием. Ноэсис содержит компонент ощущения (hyletische Daten) и компонент смыслообразования (sinngibende Daten). В hyletische Daten ноэсиса сознание вовлекает в акт “материю”

переживания, в *sinngebende Daten* придает переживанию смысл. Ноэма как интенциональный коррелят ноэзиса суть общее содержание предмета, данное во всех переживаемых сознанием смыслах восприятия вещи, характер “опредмеченности” вещи в этом восприятии. Ноэма фиксирует смысловую идентичность содержания предмета во всех способах данности и множестве ноэтических переживаний. Подразумеваемое нечто сохраняется в самых разных ракурсах осмысления его как предмета. То есть ноэма фиксирует наполнение интенции содержанием восприятия предмета, являющимся идентичным в многообразии способов данности предмета или во множестве конкретных ноэтических переживаний. Так, Наполеон – это один и тот же человек во всех представлениях о нем – как о победителе при Ватерлоо, проигравшем при Аустерлице, узнике о. святой Елены и т.п. Разумеется, строго говоря, если иметь в виду *становление идентичности Наполеона* в хронологическом порядке, то в этих трех случаях мы имеем дело с *эмпирически* разными личностями, поскольку в эти моменты жизни Наполеон имел разный опыт. Но *в 21-м веке*, когда эта личность уже давно состоялась, я подразумеваю одну и ту же конкретную историческую личность, и потому могу говорить о нем либо как об узнике о. св. Елены, либо как о победителе при Ватерлоо, либо как о потерпевшем поражение при Аустерлице или еще в каком-то характеристическом ракурсе. Кресло в моем кабинете *прямо сейчас* есть одно и то же кресло в самых разных смысловых проекциях его восприятия – как кресло из дуба, как кресло, в котором мне комфортно, как кресло, обтянутое синей материей и т.п. То, о чем мы мыслим, всегда подразумевается как одно и то же *нечто*. Иначе мы не могли бы *ничего* помыслить и оказывались всегда в гераклитовом потоке *сплошной* реальности, в которой наше сознание вместе с сознаваемыми предметами становится совершенно неразличимым. О том, как важно учитывать момент становления для того, чтобы различать мыслимые объекты в потоке бытия, указал еще Платон устами Сократа.

Согласно Гуссерлю, сущность (эйдос) — это предмет нового порядка. «Подобно тому, как данное в индивидуальном, или же постигающем опытным путем созерцании есть индивидуальный предмет, так данное в сущностном созерцании — есть чистая сущность» (Идеи, §3). «Эмпирическое созерцание, в особенности опыт, есть сознание какого-либо индивидуального предмета, и, как сознание созерцающее, «оно приводит таковой к данности», как восприятие — к данности из самого первоисточника, к сознанию того, что предмет постигается «из первоисточника», в его «настоящей» живой самостности. Совершенно точно так и сущностное созерцание есть сознание чего-либо, некоего «предмета», такого нечто, на какое направлен его взгляд, такого нечто, что «само дано» в нем и что затем «представляется», мыслится, неопределенно или отчетливо, и в иных актах, становится субъектом истинных и ложных предикаций,— точно так, как любой «предмет» в неизбежно широком формально-логическом смысле (Идеи, §3).

Направленность сознания, избирательно выхватывающая объект и предметно конституирующая его содержание, проявляет себя в *проблематизирующей* функции сознания, когда оно усматривает проблему как сущность. Голод есть проблемная сущность, сходная с болезнью или здоровьем. Его «предметная» наличность дана сознанию как сущность, конституируемая ощущениями, в которых она переживается нами, становится объектом осмысления. С этой же функцией следует связать способность сознания *регулировать* прагматическую интуицию. Ведь ноэматические даты, наполняющие видение проблемы, предполагают наличие определенных интуиций. Их нужно различать, их нужно регулировать. Мы отличаем ощущение голода от ощущения жажды, ощущение потребности читать от ощущения потребности понять. При всем том, что голод и жажда кажутся материально оформленными (они ассоциируются с материальными сущностями – пищей, водой), они все же являются сущностями идеальными. Но в них проявляется наше физически предметное *отношение* к своему существованию. Несомненно, за ними стоят материальные сущности, составляющие наше тело, что подтверждается повседневным опытом, наука это лишь удостоверяет. Потребность читать и понимать уже не требуют от нас, чтобы мы непременно видели за ними материальные сущности, и мы легко соглашаемся считать их

чисто субъективными, идеальными сущностями – склонностью к чтению, размышлениям. *Подразумеваемая* объект как определенное нечто, сознание придает ему *определенный смысл* (смысл «конкретного нечто»). Эта функция позволяет сознанию видеть реальные объекты, нагружая их смысловой определенностью, соотносимой с контекстом ситуации, в которых объект видится. Проблематизирующая функция сознания становится особенно явной тогда, когда мы осмысливаем ситуацию, стремясь к достижению ясно определенных целей. Ведь цель – принадлежность субъекта, независимо от того, был ли он мотивирован внешней необходимостью или внутренними побуждениями. Достижимость цели будет определяться смысловыми наполнением, который и определяет характер предметного отношения между прагматическим сознанием и практической целью, и потому делает реально возможным ее практическое достижение.

Таким образом, ноэтическое наполнение предмета зависит от ноэтических «касаний» сознанием познаваемого объекта – от того какие *hyletische Daten* интуиция вовлекает в акт и какие *sinngebende Daten* она усматривает. Этими «касаниями» наполняется предмет, и его природа оказывается *вовлеченной* в наши практические действия и соответственно – в получение нами определенного результата от этих действий. Ясность цели и ее достижимость даются ясностью интуиций, которыми сознание «касается» предмета. Вне ясных целей один и тот же объект может видеться в разных контекстах, и как бы еще лишен интенциональной определенности, хотя потенциально он может быть объектом коллекционирования знаний просто из любопытства. Для того чтобы любопытство стало инструментом прояснения проблемной ситуации необходима четко познаваемая цель познания. Нужна ясная интуиция цели, ясность цели, *очевидность* цели.

По Гуссерлю *очевидность* есть *беспредпосылочное* знание на основе непосредственного созерцания сущности. Слово "очевидность" он понимает в широком смысле, который включает в себя "усмотрение", понимаемое как именно аподиктическое усмотрение (Идеи I, §137). То есть «очевидность» у него охватывает своим значением и ассерторическое видение, и аподиктическое усмотрение. Тогда для любого тезиса разума, мотивационно сопряженного с перводанностью данного, как само собой понятное представиться выражение "перводанная очевидность". Так можем также различать ассерторическую и аподиктическую очевидность, "усмотрение" понимать в значении аподиктической очевидности. Интуиция как усмотрение сущностей признается как сама основа познания объектов. Очевидность – критерий действительности знания чего-либо (Идеи I, §19). Созерцание сущности есть аналог чувственного восприятия, а не воображения (Идеи I, §23.), то есть оно *воспринимает* сущность. Любое созерцание из самого первоисточника представляет собой правовой источник познания (Идеи I, §24.). Гуссерль требует не отождествлять сознание сущности с самой сущностью, т.е. не психологизировать ее. Интуиция у Гуссерля является основой целостного акта сознания, и благодаря ей любой опыт сознания потенциально может быть вовлечен в каждый новый акт. Беспредпосылочное знание сопряжено с перводанной очевидностью, а потому необходимо очищение опыта сознания от психологизмов, отдаляющих нас от нее. Интуиции черпаются сознанием из опыта прошлых актов или непосредственно из опыта текущего акта. Поэтому психологизация опыта создает риск заблуждений. Опыт познания безошибочен в той мере, в какой сознание преодолевает психологизацию опыта.

При разработке понятия интенциональности Гуссерль утверждает исключительное место *представления* в актах сознания. Понимание им сущности интуиции во многом определяется той ролью, которую в сознании отводится представлению. Как и Brentano, Гуссерль считает, что всякий акт опирается на *представление*, понятое как *материя* сознания, как *смысл*. «Всякий акт либо сам есть представление, либо основан на *одном или многих* представлениях» (ЛИ, V,4,§33). При этом каждое интенциональное переживание либо есть *объективирующий акт*, либо содержит в своем «основании» некий подобный ему акт. В последнем случае оно с необходимостью имеет в себе объективирующий акт как составную часть, совокупная материя которого есть одновременно, причем индивидуально

тождественно, его совокупная материя. (ЛИ,V,5,§41]). Это значит, что отношение к предметности конституируется в *материи*, в *смысле*, которым предмет дан сознанию в объективирующем акте. Любая *материя* есть материя некоторого *объективирующего акта* и лишь через *него* она способна стать материей другого, основанного на нем, актуального *качества*. Поэтому Гуссерль различает первичные и вторичные интенции, причем вторые обязаны своей интенциональностью фундированию посредством первых [ЛИ,V,5,§41]. Согласно Левинасу [Levinas E., 1963, ch.4], у Гуссерля предмет явлен только благодаря *материи*, смыслу, всегда являющимся материей, смыслом, *объективирующего акта*. Смысл акта – это всегда смысл объективирующего акта. Следовательно, явленный нам существующий мир обладает модусом существования предмета, данного теоретическому взгляду. *Реальный мир есть мир познания*. По Гуссерлю высказывания желания, вопрошания, воления не выражают нечто принадлежащее к области предметов. Характеристики вещей (например, “значение”, “привычность” и т.д.) даются нами, но не конституируют предмет в его существовании. Они задают наши теоретические знания о предмете. Так Гуссерль устанавливает примат теоретического знания. Для Гуссерля теория (представление) – основание всех актов, и даже такие акты, как воля, желание и т.д. некоторым образом заключают в себе модус существования теоретического объекта [Levinas E., 1963 – ch.4].

Здесь важно не упускать из виду, что примат теоретического сознания обнаруживает себя уже в самом акте означивания, придания смысла предмету текущего акта. Каким образом сознание решает, что речь должна идти об определенном смысле? Как сознание определяется с *выбором* смысла, который должен лечь в основу данного объективирующего, теоретического акта? Подлинным приматом сознания является именно выход сознания к предмету, к его стороне, свойству, отношению, придающим акту тот определенный смысл, который кладется в основание текущего сознания предмета. Так сознание *теоретически касается* предмета, объективирует его предметность именно так, а не иначе. Гуссерлевский примат теоретического сознания отсылает к первичным интуициям, к актам, в которых сознание предметно постигает объект. В конечном счете, в основании любого рефлексивного опыта лежит опыт чувственной интуиции, удостоверяющего опыт придания ощущениям первичных смыслов, различные модификации которых постепенно конституируют представление (теорию) предмета. Неслучайно восприятие объявляется Гуссерлем привилегированным интуитивным актом, изначальной интуицией, поскольку восприятие есть опыт, дающий из самого первоисточника, (Идеи, §§1,39,43,67]). Сознание и вещьность — связанное целое: они связываются в отдельных психофизических единствах, которые мы именуем «animalia» — «живыми», — а на самом верху они соединены реальным единством целого мира (Идеи, §39). И Гуссерль задает риторический вопрос: может ли единство целого быть единым иначе, кроме как через собственную сущность его частей — какие тем самым должны же обладать некой сущностной общностью, вместо принципиальной гетерогенности?

Теоретическое наполнение первичной интуиции происходит в дополнительных актах (вторичных интенциях), когда первичные чувственные, эмпирические смыслы наполняются дополнительным содержанием характеристики предмета. Эти характеристики даются нами, как отмечалось выше, а не конституируют предмет в самом его существовании. И они устанавливают новые теоретические отношения между опытом прошлого и опытом текущего восприятия предмета, задают новые теоретические знания о предмете. Однако мы не можем выбирать любые характеристики для наполнения смысла предмета посредством вторичных интенций. Выбираемые характеристики должны быть адекватны содержанию первичной интенции.

Интуиция суть модус сознания или представления, посредством которого мы вступаем в контакт с сущим. То есть интуиция как акт, имеющий модус представления, есть способ, которым *реализуется* представление. Слово «реализуется» означает, что в интуиции представление впервые реализуется для сознания, становится ему доступным. Интуиция –

это акт, впервые усматривающий адекватное значение, которым объект наполняется и потому понимается с точностью смысла. То есть именно в интуиции устанавливается соответствие, к которому апеллирует классическая теория истины. Интуиция модифицирует восприятие так, чтобы сознание достигало предмет.

Будучи полаганием, интуиция оказывается суждением, а не неким *иным* познанием, не следующим из познаний-предпосылок. Она обусловлена непосредственно трансцендентным объектом. Но Гуссерль отличает интуитивную обусловленность познания от его обусловленности познанием-предпосылкой. Существуют и интуиция самой интуиции, и интуиция некоторого знания. И мы действительно способны интуитивно проводить различие между интуицией и познанием, обусловленным непосредственно трансцендентным объектом, что Пирс отрицал. Всякое познание, как что-то наличное, разумеется, помимо прочего представляет собой и интуицию себя самого. Но согласно Гуссерлю, интуиция является актом, непосредственно выводящим сознание к объекту, и именно поэтому не нуждающимся в посылках. Мы можем интуировать интуицию всякого конкретного акта. И всегда можем обнаружить это фундаментальное свойство интуиции, отличающее его от сигнификативных актов. Объектом интуирования может быть как само знание, так и способ, которым предмет дан в некотором акте. Чтобы выйти непосредственно к объекту сознание должно избавиться от всех предпосылок, редуцировать их, чтобы оставить сознаваемое и сознающее «Я» наедине друг с другом. Но при этом интуиция являет сознанию некоторое суждение, в ней сознанию является некий первичный смысл, первичное представление, несущее в себе прямое *отношение* к предметности.

Согласно Гуссерлю всякое слово обладает значением, которое есть нечто, с чем слово связано посредством особой интенции. Благодаря этой интенциональности слово *подразумевает* нечто и, подразумевая, соотносится с предметным (ЛИ, I, §9). То есть в самом подразумевании и заключается это соотнесение слова с предметностью, с тем, что оно выражает; акт подразумевания является особой интенцией. Сигнификация подразумевает предмет и возможность его наполнения. Интуиция несет нечто от самого объекта. Интенция слова не требует с необходимостью, чтобы ее предмет был непосредственно *зрим*, как это имеет место в случае воображения или восприятия. Для того чтобы слово имело смысл, достаточно, чтобы объект подразумевался. Сигнификативный акт характеризуется тем, что объект не зрим, не достижим, но он подразумевается. Широкое понятие сигнификативного акта, охватывает всю совокупность актов, подразумевающих свой объект, но не достигающих его. Сигнификативная интенция пуста, не реализована (ЛИ, I, §9; Идеи, §136). Она лишь мыслит предмет, подразумевает его. Интуиция дает нам нечто от самого предмета, дает смысл предмета как его прямое представление. В чисто символическом понимании слов совершается акт означивания (слово обозначает для нас нечто), *но познания еще нет*. Познание всегда заключается в изменении представления о предмете. И это изменение может быть зафиксировано только интуицией. То есть только в интуитивном акте можно *подтвердить* (или опровергнуть) то, что *подразумевается* в простом означивании.

Гуссерль не противопоставляет интуицию суждению (как это мы видели у Пирса), речь - о том, что всякая интуиция есть акт, обладающий своим объектом (Идеи, §136), развивается картезианская идея об очевидности как основе познания.

Левинас (Levinas E., 1963 – ch.5) комментирует: к интуитивным актам Гуссерль относит восприятие (презентующее предмет), фантазирование и воспоминание (репрезентирующие предмет) (Идеи, §111). Эти понятия взаимосвязаны, потому что объекты, подразумеваемые ими, даны в них *как таковые*, а не просто обозначены. Это акты, в которых предметы даны сами по себе (Идеи, §13, §67), *в них акт интуиции обладает своим объектом*. Это обстоятельство выражено понятием «Fülle», характеризующим интуитивный акт, и этого обстоятельства нет в «пустом» сигнификативном акте (Идеи, §136).

Далее Левинас (Levinas E., 1963, ch.5) отмечает, что понятие полноты выражает у Гуссерля тот факт, что определения предмета наличествуют в сознании. Но в имманентном конституировании интуитивного акта Гуссерль приписывает особым содержаниям функцию

представления полноты объекта. Эти содержания он также именует «полнотой». Наше сознание имеет дело с одной стороны *представленной* реальностью, а с другой - с *пережитой*. Ощущения репрезентируют предмет в переживании с помощью интенциональности. Относительно восприятия (презентации) можно говорить об «ощущениях», относительно воспоминания и воображения (репрезентаций) следует говорить о «фантазмах». Но в восприятии любой вещи присутствуют элементы и ощущений, и фантазмов. Они образуют полноту акта и выступают как аналоги предмета, *репрезентируемые* в воображении и воспоминании либо *презентируемые* в восприятии. Комплекс *ощущений и фантазмов*, содержащихся в акте, составляет содержание интуитивного акта.

В восприятии *полнота* реализует для нас предмет таким, каков он есть сам по себе. Поэтому восприятие - привилегированный интуитивный акт, дающий сознанию бытие (Идеи, §1, §39, §43, §67). Само возникновение понятия бытия связано с представлениями о восприятии (Идеи, §47). Полагание в восприятии означает, что вещь дана во всем бесконечном многообразии возможных черт, свойств и отношений, которыми она потенциально может восприниматься. Бесконечное многообразие, которым может быть наполнено восприятие реальной вещи, присуще только реальным вещам. Поэтому восприятие материального мира представляет собой привилегированный интуитивный акт. Гуссерль этим подчеркивал примат материальных сущностей над сущностями идеальными в познании реальности, что позволяет нам констатировать прагматическую направленность феноменологической философии.

На наш взгляд, главное, что следует иметь в виду, говоря о феноменологической природе интуиции, - это, во-первых, что интуированию подвергается все, что сознание *различает*. Во-вторых, различение – это именно то, что *навязано* сознанию и именно оно побуждает ум к сознательным актам и составляет содержание всякого акта. Все акты сознания *направлены* постольку, поскольку ему *навязана различимость*. Именно в этом смысле мы толкуем упомянутый выше тезис Сартра о том, что интенциональность Гуссерля означает, что сознание может существовать только как сознание о какой-либо отличной от самого сознания вещи. Более того, именно благодаря этой различимости между сознанием и познаваемым сознание может познавать себя, быть самосознанием, обретать познаваемые им же сущностные черты. То есть познаваемое познается постольку, поскольку обладает отличием от сознания, и каждый акт сознания включает в себя момент различения сознанием себя и познаваемого. Чем больше познаваемое познается, тем более оно наполняется моментами различения. Это позволяет понимать акты сознания как акты обнаружения моментов различения, а сознание субъекта – как своеобразный «орган обнаружения» таких моментов. Любой акт сознания познает моменты различения сознания и познаваемого. Поэтому у нас есть все основания считать, что *непосредственное обнаружение момента различения и составляет саму сущность акта интуиции*, без которой не обходится ни один сознательный акт. Именно в этом состоит особая роль интуиции вообще в явлении сознания: интуиция воспринимает, формирует и фиксирует моменты различения как *материю акта*, как основу любых сложных и простых актов сознания. Тем самым каждый акт сознания *эмерджентно* ведет к соответствующей неукоренности «органа обнаружения» (сознания), его противостоянию бытию - его *выпадению* в новое бытие (Кутлумуратов А.Б., 1997). Поэтому направленность сознания можно считать следствием эмерджентной природы актов, в которых сознание выпадает в картезианскую реальность. «Выпадая» в каждом акте, сознание субъекта остается субстанциально связанным со всеми познаваемыми моментами различения посредством своей направленности на объект. Это делает возможными акты редукции к первичным сущностям.

Последним истоком, из которого черпает пищу для себя генеральный тезис мира, осуществляемый в естественной установке, Гуссерль считает чувственный опыт (Идеи, I, §39). Чувственное восприятие среди всех составляющих опыт актов играет роль праисконного опыта, из которого все прочие доставляющие опыт акты черпают главную

часть своей фундирующей силы. Вместе с тем с восприятием связан *момент навязывания* сознанию ощущений и фантазмов. Главным основанием различения эмпирического и теоретического сознания является несомненное наличие и характер этого момента *навязывания*, хотя этот момент часто выступает в облике имманентного мотивирования актов сознания. Но мы далеко не всегда можем знать истоки этой мотивации, зато нередко сами мотивации обретают характер навязчивых состояний сознания.

По Гуссерлю (Идеи, I, §37) во всяком акте царит один из модусов внимательности. Но если речь идет не о простом сознании чего-либо, если в таком сознании фундируется еще и дальнейшее, «выражающее свое отношение» к этому чему-то сознание, это что-то и полный интенциональный объект (например, «что-то» и «ценность»), равно как внимание и обладание в духовном взоре расходятся между собой. К сущности таких фундируемых актов принадлежит еще и возможность модификации, благодаря которой их полные интенциональные объекты становятся предметами внимания и в этом смысле предметами «представляемыми», какие, в свою очередь, способны служить субстратами экспликаций, сопряжений, понятийных постижений и предикативных высказываний. Благодаря подобной объективации нам в естественной установке и как звенья естественного мира противостоят не просто вещи природы, но и ценности, и практические объекты любого вида, города, улицы с их осветительными устройствами, квартиры, мебель, произведения искусства, книги, инструменты и т.п. К этому Гуссерль добавляет, что живя в *cogito*, мы самой *cogitation* не обладаем как интенциональным объектом. Но сама *cogitation* всякий миг готова стать таковым, от ее сущности неотделима принципиальная возможность *рефлексивного поворота взгляда* в форме новой *cogitatio*, направляющаяся на нее по способу просто схватывающей (Идеи, I, §37). То есть когитация может становиться предметом так называемого “внутреннего восприятия”, а в дальнейшем и объектом *рефлексивного оценивания*, одобрения или неодобрения и т.д. Мы можем рефлексировать “в” *воспоминании*, *вчувствовании* и т.д., обращая сознаваемые “в” них акты в объекты наших схватываний и основываемых на таковых выражающих наше отношение актов, во всевозможных различных модификациях их. Рефлексии суть переживания и, как таковые, могут становиться субстратами новых рефлексий, и так до бесконечности, в принципиальной всеобщности Идеи, I, §77). “Все переживания сознаются”, — относительно интенциональных переживаний в особенности это означает, что они ... уже наличествуют здесь как “задний план”, или “фон”, и, следовательно, принципиально готовы к тому, чтобы быть воспринимаемыми, в смысле аналогично вещам (Идеи, I, §45). Мы видим: сам бытийный способ переживания таков, что оно принципиально доступно восприятию по способу рефлексии. И вещь тоже есть нечто принципиально доступное восприятию, и в восприятии она схватывается как вещь моего окружающего мира.

Гуссерль различает акты *трансцендентальные* и *имманентные* (Идеи, I, §38). Под имманентно направленными, имманентно сопрягаемыми интенциональными переживаниями он понимает те, сущности которых заключают в себе то, что их интенциональные предметы принадлежат к тому же потоку переживаний, что и они сами. Следовательно, таковое имеет место всюду, где акт сопрягается с актом того же самого “Я” (одна *cogitatio* с другой), или же акт — с чувственными данными того же самого “Я” и т.д. Сознание и его объект образуют индивидуальное единство, устанавливаемое исключительно через переживания. Восприятие и воспринятое образуют непосредственное единство, единство одной-единственной конкретной *cogitatio*. Тут восприятие таит свой объект в себе, и обособить таковой от него можно лишь абстрагируя и лишь в качестве сущностно несамостоятельного. Если же воспринимаемое — интенциональное переживание, как когда мы рефлекслируем живое убеждение (например, высказывая: я убежден, что...), тогда перед нами взаимовхождение двух интенциональных переживаний, из которых, по меньшей мере, высшее несамостоятельно и не просто фундировано в низшем, но и интенционально обращено к нему.

Трансцендентально направленные — это те интенциональные переживания в отношении коих сознание и его объект не образуют индивидуального единства, устанавливаемого только через переживание. Таковы все акты, направляемые на сущности, на интенциональные переживания других “Я” с их потоками переживаний, все акты, направляемые на вещи, на реальности вообще. То есть трансцендентально направленные акты как бы позволяют сознанию фундировать во внешний мир, вовлекаться во внешний мир, овнешнивать мир. В рефлексии наше сознание (независимо от априорных установок, которым мы следуем) как бы *позволяет направлять себя сущностным усмотрениям, интуиции* (в рамках этих априорных установок). Таким образом, в рефлексии дана имманентная жизнь интуиции, которая находится в привилегированном положении по отношению к интуиции, направленной на внешний мир. Она может осуществляться в переживаниях воспоминания, воображения, в переживаниях чувственного восприятия.

Рефлексия — это общая рубрика для всех тех актов, в каких становится очевидно схватываемым и анализируемым поток переживания со всем многообразно встречающимся в нем моментами (Идеи, I, §78). Рефлексия - это название метода, каким сознание пользуется в познании сознания вообще; внутри именно этого метода рефлексия сама становится объектом штудий: рефлексия - сама есть тема одной из основных глав феноменологии; поэтому важно различать различные “рефлексии” и анализировать таковые систематически (там же).

Любая рефлексия обладает характером *модификации сознания*, причем такой, какую в принципе может испытать любое сознание; любое переживание в самом себе есть поток становления; то, что, оно есть, оно есть в своем *исконном порождении* неким неизменным сущностным типом. Модификации, как *рефлексии переживаний*, взятые во всей своей конкретности, суть нерелективно сознаваемые переживания, и в качестве таковых принимающие любые модификации (там же).

И все же, в конечном счете, в основе любой рефлексии лежит трансцендентная по отношению к сознанию реальность, навязывающая себя ему. Интулируемое различие подбрасывается сознанию либо из текущего восприятия реальности, либо из опыта такого восприятия, пережитого в прошлом и в той или иной степени рефлексивно пережитого. Рефлексия суть лишь имманентное продолжение этого навязывания, изначально данного сознанию в чувствовании. То, по отношению к чему мы только рефлектируем, в конечном счете, также представляет собой имманентный отголосок навязанных сознанию трансцендентностей. Поворот сознания от предмета переживания восприятия к смыслу самого переживания обнаруживает способ этого навязывания. В самом слове «восприятие» слышится оттенок принуждения сознания к акту восприятия. Момент навязывания, по меньшей мере, включает в себя некую эмерджентность по отношению к самому сознанию или к волею сознавать. В рефлексии же мы лишь постигаем смыслы, в которых моменты навязывания были пережиты сознанием в прошлых актах и нейтрализованы осмыслением (смысловым наполнением) этих актов. Рефлексии - единственный инструмент нейтрализации моментов навязывания. По отношению к имманентному сознанию миру нейтрализация выражается в конституировании «адекватных» смыслов, а по отношению к физическому миру - в выработке адекватного поведения. В поведении фиксируются трансцендентально направленные переживания, в рефлексии – переживания имманентно направленные. Но суть того и другой одна – нейтрализация моментов навязывания реальности сознанию. *Там и тут действует интуиция, специфически схватывающая познаваемую сущность и смысл, нейтрализующий конкретный момент навязывания реальности сознанию удостоверяющим актом.*

Момент навязывания реальности сознанию делает его изначально историчным. Сознать вещь – значит сознавать в той или иной мере историю его восприятия в потоке нейтрализаций моментов навязывания сознанию реальности, значит сознавать поток нейтрализующих объективаций. Мы не знаем форм сознания, лишенных историчности. И мы не знаем методов, устраняющих историчность сознания, но мы можем нейтрализовать ее

осмыслением. Нет ни одного живого существа, который, будучи субъектом, не был бы генетически связан со своей историей. Историчность является самой сутью сознания. И суть эта воспроизводится в актах преодоления сознанием погруженности в собственную историю не путем избавления от истории, а путем ее смысловой нейтрализации. В какой мере наши представления о мире становятся адекватными, в такой же мере наша собственная, индивидуальная история становится опытом успешной нейтрализации навязываемых сознанию обстоятельств реальности. Опытом успешных в этом отношении интуиций, схватывающих и удерживающих истину. Истина оказывается адекватностью мысли самому предмету, схваченному интуицией во всей его конкретно наличной реальности, историчной в силу своей конкретности. Прагматизм не только признает историчность сознания, историчность истины, но и прямо опирается на саму историчность как источник существования человека. Мы есть то, что нам удастся реализовать в собственном развитии.

Итак, рефлексия нейтрализует энергию чувственного навязывания сознанию объекта. Но в нейтрализованном виде объект сохраняется в сознании как пример определенного способа восприятия. Гнев испаряется благодаря рефлексии и по содержанию своему быстро модифицируется (Идеи, I, §70). Внешнее же восприятие несравненно более доступно, оно не “тает” и не “испаряется” вследствие рефлексии; его общую сущность, как и сущность общих относящихся к нему компонентов и сущностных коррелятов, мы можем изучать в рамках доподлинности, не особенно беспокоясь о достижения ясности. Гнев, в отличие от внешнего восприятия, нельзя воспроизвести по мере необходимости простыми экспериментальными средствами. Рефлексивно исследовать гнев - значит изучать гнев, который тает и испаряется; но, возможно, это не то, что следовало бы изучать (там же). Гуссерль в этом заключении слишком категоричен. Если иметь в виду те последствия, которые имеет излишняя гневливость в отношении здоровья человека, то это как раз то, что следовало бы изучать не только средствами лабораторной психологии, но и феноменологическими. Лабораторная психология изучает то, что доступно для внешнего восприятия, объективной регистрации. Врача же интересует возможность управления “таянием” и “испарением” излишней гневливости, которое он мог бы передать пациенту, нуждающемуся в таком управлении. Ведь совет типа «Вам нельзя волноваться» далеко не всегда эффективен, а применение психотропных препаратов имеет индивидуально непредсказуемые издержки. Напротив, именно для того, чтобы такой совет был эффективен, а применение психотропных препаратов имело меньше издержек, было уместным, следовало бы сделать феноменологию средством исследования регулируемой чувственности пациента в его же интересах.

Воспоминание и воображение пользуются материалом опыта переживаний, в котором момент навязывания первичного (чувственного или логического) восприятия как бы уже *нейтрализован* смыслом (ставшим материалом опыта). В воспоминании и воображении, имея дело с фантазмами, мы воспринимаем сами смыслы, нейтрализовавшие моменты чувственного навязывания. В самом же акте первичного восприятия сознание и момент чувственного навязывания непосредственно встречаются друг друга, образуют психофизическое единство сознания и познаваемого. Гуссерль сознает, что сознание и вещь — связанное целое: они связываются в отдельных психофизических единствах, которые мы именуем «animalia» — «живыми», — а на самом верху они соединены реальным единством целого мира (Идеи, §39). Обратим внимание на эту оговорку: «они соединены реальным единством мира». То есть реальное единство мира Гуссерль признает как бы сходу.

Но вопрос в том, что понимать под единством. Именно это понимание, собственно говоря, он далее и развивает. Сознанию это единство дано в интенциональности. Это не есть законченное, раз и навсегда данное единство. Интенциональным оно становится лишь по мере наполнения и нейтрализации адекватным смыслом момента чувственного навязывания, что может подтвердить лишь интуиция факта нейтрализации. При этом между восприятием чувственных смыслов, навязываемых сознанию физическим бытием объектов, и восприятием смыслов объектов в воображении и воспоминании есть разница. То и другое есть восприятие, и в этом смысле они навязаны сознанию. Но эти моменты различны по

своей сути. Текущее восприятие содержит в себе многое из того, что навязывается сознанию, поскольку оно неспособно наделять смыслом весь поток чувственных и рефлексивных переживаний. В воспоминаниях, а особенно – в воображении, сознание имеет дело с пережитыми, в основном - нейтральзованными в прошлом посредством осмысления моментами навязывания. В этом различии воспоминания и воображения с одной стороны и чувственного первичного восприятия - с другой находит свое основание различие методов эмпирического и теоретического познания. Эмпирическое и теоретическое познание представляют собой разные фазы нейтрализации реальности осмыслением, являющимся, согласно Гуссерлю, ее теоретическим восприятием. У нас нет иного способа пережить физическую реальность, кроме как посредством ее теоретического осмысления. В наших психических переживаниях фактов в каждый текущий момент как бы продолжается процесс смысловой нейтрализации моментов навязывания сознанию реальности.

В нейтрализующем восприятии объекты становятся *варьируемыми*, то есть воспринятые моменты могут участвовать в конституировании сложных смыслов, которые в свою очередь позволяют нейтрализовать некоторые сложные обстоятельства, навязываемые сознанию реальностью. В рефлексивных восприятиях момент навязывания проявляется *чувством противоречия*, то есть возникновением противоречивого имплицитивного единства сознания и рефлексивно воспринимаемой предметности. Это противоречие нейтрализуется логически. В обыденной жизни рефлексивная нейтрализация навязанных сознанию очевидностей оберегает нашу психику от беспокойств. Противоречия, связанные с рефлексивными очевидностями систематически устраняются (нейтрализуются) мыслительной деятельностью. Пока мы способны вырабатывать знания в соответствии с актами логической нейтрализации, мы остаемся здоровыми в психическом и социальном отношении. Знания, основанные на рефлексивных смыслах-очевидностях, то есть на логическом опыте, можно использовать: они позволяют ставить определенные жизненные цели и удостоверять их достижимость практическими действиями. Если цель достигается, то нейтрализуется первоначальный опыт ее нереализуемости.

Что касается момента навязывания сознанию физической реальности, то он нейтрализуется *физически* выраженным осмыслением чувственных данных – поведением. Например, мы избегаем ощущений, наделенных смыслами неприятности, вредности и т.п., и стремимся к ощущениям, наделенным смыслами приятности, полезности и т.п. Физические очевидности, данные ощущениями, позволяют достигать предметных целей в самой физической реальности, если их нейтрализация адекватна соответствующей реальности. В частности, *наши физические самоощущения оздоравливаются*, если нам удастся удержать поток чувственного восприятия собственного тела в некоторых оптимальных пределах. То есть в здоровье достигается оптимальная конфигурация нейтрализованных физических самоощущений, адекватных обстоятельствам внешней физической среды. Поэтому физическая адекватность (физическое здоровье) организма выразима средствами логики, как и в случае психического здоровья. В отношении психического здоровья мы непосредственно пользуемся логическим осмыслением проблемных ситуаций и разрешаем их путем выявления и устранения противоречий в оценке сознаваемых нами обстоятельств. Психолог, психоаналитик, психиатр помогают разрешить противоречивые ситуации, в которых оказалось сознание пациента в силу разных жизненных обстоятельств. Степень восстановления критичности – основной показатель эффективности психотерапии. В случае же физического здоровья необходимо физическая нейтрализация противоречий, выраженных в симптомах болезни. Здесь задача врача – найти такое логическое разрешение проблемной клинической ситуации пациента, при котором удастся помочь организму пациента достичь нейтрализации физических противоречий наиболее приемлемым для пациента путем. Во многом построение соответствующих средств логических разрешений физических и психических недугов и составляет задачу общей теории клинической медицины.

Итак, Гуссерль различает акт подразумевания и некоторое подразумеваемое предметное единство, предметность. В интенции значения наряду с выражением смысла нечто

подразумевается, то есть реализуется некоторое *отношение к предмету*. Независимо от наличия или отсутствия предмета, мы можем его осмысливать. В интенции значения имплицировано отношение к подразумеваемому предмету, но именно как к «мыслимому предмету», а не к отношению между сознанием и реальным предметом. Гуссерль говорит о сигнификативной, символической, зримо пустой интенции значения. Если сознание способно обнаружить подразумеваемый предмет в конкретном восприятии, то это значит, что поначалу пустая интенция значения созерцательно «исполняется», а предметное отношение реализуется в качестве действительного отношения. Предметное отношение актуализируется ввиду фактически воспринимаемого предмета. Предмет, воспринятый как исполненный интенцией значения, верифицируется фактически воспринимаемой предметностью. В эмпирическом познании предмета мы теоретически удостоверяем интенции значения с помощью актов, исполняющих значения, а верифицируем их соответствием фактически воспринимаемой предметности.

Такое понимание сущности эмпирического познания и его связи с интуицией имеет особое значение для эпистемологии эмпирических наук, в особенности – наук практических, к числу которых относится медицина. Для теории интуиции примат теоретического сознания имеет фундаментальное значение. Ведь акт интуиции, который приводит нас в контакт с бытием, оказывается не просто теоретическим, а *объективирующим актом*. При этом по Гуссерлю, интуитивный способ переживания смысла – это когда «подразумеваемый как таковой предмет» наглядно сознается, когда способ созерцания его дает предмет первозданно, из самого источника (Идеи, I, §136). В интуиции предметно дается первичный смысл объекта, будь то объект реальный, физический, или объект идеальный. В интуиции дается тот первичный смысл, который тут же эмпирически подтверждается, если речь идет о познании объектов физического мира. Подразумеваемый в интуитивном акте смысл физического объекта и его смысл, удостоверяемый наглядным подтверждением, суть один и тот же факт. То есть интуиция как акт порождает факты, *выражаемые* смыслами восприятия предмета и *верифицируемые* как очевидности этих смыслов в прямом наблюдении. Я вижу в вазе на столе нечто похожее на яблоко. Подойдя ближе, я убеждаюсь, что это груша. Теперь именно смысл «груша» и то, что я вижу в вазе, слились в один и тот же факт. Я должен быть скептически настроен в отношении первоначального смысла моего видения - «вижу яблоко», чтобы подойти и удостовериться, что именно этот смысл моего видения предмета в тарелке на столе соответствует действительности. Или более сложный факт. Если я *мыслю* нагреваемый утюг подключенным к электрической сети, то это лишь один из смыслов, которым я выражаю восприятие факта «утюг нагревается». И если я *вижу* его вилку в розетке, то факт «утюг подключен к электрической сети, значит, нагревается» оказывается верифицированным (в пределах смысла этого факта). Смысл факта «утюг подключен к электрической сети, значит, нагревается», подразумеваемый мной, предполагает факт «вилка утюга вложена в розетку». Этот второй факт я удостоверяю прямым его видением. Но до тех пор, пока я мыслю только один этот смысл, удостоверяющий факт нагревающегося утюга, я остаюсь в наивности. Моя наивность заключается в том, что я опираюсь только на один этот смысл, который удостоверяет факт нагревания утюга. Вилка от утюга может находиться в розетке, когда в сети нет тока: например, в будке трансформатора могло произойти замыкание. Тогда факты «вилка находится в розетке» и «утюг нагревается» не являются разными выражениями одной и той же предметности. Поэтому лучше иметь утюг с контрольной лампочкой в корпусе, свечение которой подтвердит, что утюг действительно нагревается. Правда, и контрольные лампочки перегорают. Но мы можем удостовериться в нагревании утюга старым способом – ощущением тепла, идущего от глядящей поверхности утюга. В конце концов, именно это тепло нам и нужно.

В наивной установке мы полагаем, что данное нашему сознанию в предметном восприятии, и есть сам предмет. Сущность, наделенная предметными смыслами, уравнивается с реально существующим предметом. Наивность заключается в том, что мы принимаем предметы как нечто существующее и данное, не спрашивая о том, каков смысл

этого существования, этой «данности». Мы не думаем о той стороне жизни сознания, которая наделяет смыслом предмет естественной установки, будь то предмет восприятия или предмет научной деятельности. Но взгляд, направленный на предметы, не может, не изменив направления, прояснить структуру самого познания. Смысл предмета, к которому *устремлено* сознание, по самому своему значению не может стать видимым для взгляда, непосредственно направленного на вещь. Для этого нужен поворот взгляда сознания от предметной сущности к самому ее переживанию.

В действительности сознанию является некоторый смысл предметности, теоретический факт, лишь *представляющий* реальный предмет сознанию, но не сам предмет. Очевидно, с непониманием этого момента и связано непонимание роли интуиции в познании. Оно в свою очередь порождало долгое время противостояние между эмпиризмом и рационализмом. Гуссерль подводит под это противостояние черту. Верифицировать эмпирически можно лишь то, что выражено мыслью, то есть выражено теоретически. И сделать это можно лишь посредством некоторого первичного смысла, объективирующего предмет непосредственно с некоторого ракурса предметности. Сама верификация также является мыслью, заключающей в себе первичный смысл, непосредственно сближающийся с исследуемой предметностью.

Гуссерлевское понимание сущности интуиции делает понятным, почему ни само интуитивное знание, ни опосредованное (дедуктивное) знание не обходятся без интуитивных актов. Интуиция есть акт, непосредственно выводящий сознание к объекту. И выход этот гарантирован восприятием – рефлексивным и чувственным. Важно не упустить из виду, что интуитивным является и сам акт усмотрения объекта в значении сигнификативно пустого «нечто», в значении сущности с еще неопределенным смыслом. Быть усмотренной сущностью, которая готовится к тому, чтобы обрести значение, это значит обладать первым значением. Это значит быть предметом, значение которого сознание непосредственно рассматривает, чтобы потом вступить с ним в предметное отношение. Усматривая «нечто», я уже знаю, что оно *существует*, но не знаю, *чем* именно оно является, что мне с ним можно делать и чего делать не следует. Но именно поэтому я могу *начать* его осмысливать, отличая от других сущностей. Теперь сознанию важно не только знать основания, по которым данное «нечто» есть то, *что* оно есть, что она есть именно данная *сущность*, но и усмотреть смысл, которым именно следует его наполнить, чтобы вступить с ним в конкретное предметное отношение.

Сама сигнификация некоторой сущности в себе содержит скрытый интуитивный акт – акт усмотрения начального значения, смысла этой сущности. Ибо «нечто» имеет смысл как минимум вот *этого* «нечто», *этой* сущности. И этим «нечто» может быть как чувственная очевидность, так и смысл, рассматриваемый в рефлексивном акте. Интуитивными являются и акты надления предмета восприятия характеристическими свойствами, хотя эти акты и не всегда могут быть связанными с самим воспринимаемым предметом. Они обращены в сферу опыта, и оттуда черпают эти свойства в чистом виде как характеристическую предметность, как «предметность предметности». Поэтому интуиция как знание не нуждается в посылках. Более того, посылки сразу лишили бы ее статуса интуиции и превратили в дедуктивное суждение. Тем не менее, именно интуиция осуществляет перебор материала для «дедукции» и саму «сборку» дедуктивного объекта. Ее *первая задача* – усмотреть объект, в том числе - и в смысле сигнификативно пустого «нечто». Далее интуиция начинает *привлекать* характеристические знания для того, чтобы наделять смыслом это «нечто». Привлекаемые знания становятся посылками уже сигнификативно наполненной предметности, в которой первоначально «нечто» не исчезает. Идентичность первоначального «нечто» как «вот этого» полностью сохраняется в наполняемой значением предметности: перед нами все тот же предмет, хотя и в конкретизированном значении. То есть ее *вторая задача* – усмотреть дополнительные к первичному «нечто» смыслы для привлечения их к наполнению этого «нечто» конкретным содержанием. Общая идея, которой мы руководствуемся, служит руководящим смыслом, с которым мы сопоставляем получаемый в процессе сигнификации предмет. Этой идеей может быть, например, применение исследуемого предмета для

достижения определенных целей. При необходимости (а такая необходимость определяется целями познания объекта) сознание может конституировать новые смыслы в теоретических актах смыслового наполнения «нечто» или эмпирического усмотрения новых фактов. В актах интуиции сознание не *следует* из посылок, но именно поэтому оно может участвовать в поиске смыслового *оправдания* существованию «нечто», воспроизводя для этого подходящие знания и конституируя новые, подходящие для текущей ситуации смыслы. Интуиция обогащает наши дедуктивные знания об объекте, участвуя в индуктивном процессе. В дедуктивном акте объект рассматривается как сигнификативно наполненный, но требующий уточнений. Логический акт не добавляет ничего нового к объекту, но уточняет в нем то, что дано ему его сигнификативной наполненностью, понятой как содержание предметности объекта. Он устраняет последние сомнения.

Таким образом, согласно Гуссерлю, мы способны различать *интуицию интуиции*, не нуждающейся в посылках, и *интуицию знаний*, вытекающих из посылок. Это гуссерлианское различие мы можем свести к следующему.

В первом случае (при интуитивном различении интуиции) мы различаем пустую сигнификацию предметности в *значении* «нечто» и его прямое интуитивное подтверждение восприятием *наличия* этого «нечто». Это не что иное, как подтверждение существования сущности без надления ее дополнительным смыслом. Интуиция интуиции подтверждает, что предмет интуирования имеется в наличии, и мы можем приступить к самому акту сигнификации. Это действительно не то неясное чувство, которое охватывает нас, когда мы близки к пониманию чего-то. Мы имеем предметность, но смысл ее дан сознанию только в качестве ее наличности как таковой. Во втором случае (при *интуиции знаний*, вытекающих из посылок) мы имеем дело с восприятием в воспоминании и воображении, когда используются даты прежнего опыта сигнификации и удостоверения. В этом случае роль интуиции в акте познания заключается в *выборе* элементов прежнего опыта в качестве предпосылок, подходящих для подтверждения сигнификативное значение, придаваемое познаваемому объекту. Мы так и поступаем в процессе логических (дедуктивных) рассуждений, когда выводим следствия из посылок: проблемой для нас является усмотрение этих посылок; вывод оказывается формальной процедурой. Иногда нужная посылка находится в процессе рассуждений и тогда мы ощущаем, что «все сошлось». В реальных случаях конкретного процесса познания участвуют, как правило, оба типа интуиции. Важно подчеркнуть, что в том и другом случае интуиция, как того требовал Пирс, остается суждением, а не неким *иным* способом познания, отличным от суждения.

IV. Интуиция в практических науках

1. Итак, согласно Гуссерлю, интуиция усматривает предметные сущности и схватывает их в адекватных смыслах. Это позволяет ей регулировать «естественный отбор» предметных сущностей и смыслов, в которых они схватываются, поддерживая соответствие смыслов существующей реальности. Сущности обладают одним общим свойством – существованием, способностью быть данным сознанию, осмысливаться им как предметность. Схватывание смыслов фиксирует отношение предметности между сознанием и реальностью постольку, поскольку за этим отношением стоит реальный предметный мир. Выход к нему возможен только посредством схватывания соответствующих реальным предметам смыслов.

Сознание само по себе суть гераклитов поток переживаний, испытываемых «Я»-сущностью – сущностью субъекта. Наше «Я» не только пребывает в этом потоке, но и составляет часть этого потока, и может его покинуть путем его осмысливания. Именно «Я»-сущность воспринимает, способна к этому привилегированному акту. Поэтому когда мы говорим о восприятии сознанием, мы имеем в виду именно эту сущность, которая у Гуссерля ассоциирует с «точкой», и посему речи о *сложной* структуре «Я»-сущности он не ведет. Речь у него постоянно идет об «эмпирической» личности, в центре которой заключена эта поистине живая сущность, без которой эмпирические характеристики субъекта

представляют собой почти бесформенный гераклитов поток переживаний, стихийно формируемый обстоятельствами. Именно «Я» может удостовериться в том, какой из переживаний в данной точке этого единого потока соответствует текущей реальности, а какой не соответствует ей, какой соответствует больше, а какой – меньше. И удостоверяется посредством подбора отражающих это соответствие смыслов. «Я» поддерживает и развивает это соответствие, во-первых, маркируя каждое соответствие смыслами, а во-вторых, следя за тем, чтобы смыслы выстраивались в поток значений в соответствии с текущей реальностью. Акты первого рода (маркировка смыслами) и есть сигнификации, акты второго рода (удостоверяющее слежение) – интуиции.

Реальность непрерывно «атакует» наше сознание, навязывает себя ему, как бы пытается растворить в себе наши субъектности, наши «Я». Сохраняя себя, «Я» поддерживает лишь определенное интенциональное единство с реальностью, а не любое. В этом определенном единстве «Я» *интенционально поляризует* реальность, устанавливая этим психофизический мир. В том, что мир психофизичен, у Гуссерля сомнений нет. «Сознание и вещьность — связанное целое: они связываются в отдельных психофизических единствах, которые мы именуем «animalia» — «живыми», — а на самом веру они соединены реальным единством целого мира» (Идеи, I, §39). Вопрос в другом: «может ли единство целого быть единым иначе, кроме как через собственную сущность его частей — какие тем самым должны же обладать некой сущностной общностью, вместо принципиальной гетерогенности?» (там же). *Если рассматривать сознание в его «чистоте»*, то оно «должно признаваться замкнутой в себе взаимосвязью бытия, ... в которую ничто не может проникнуть и изнутри которого ничто не может выскользнуть». Для понимаемого так сознания не может существовать пространственно-временной внеположности и оно само не может заключаться ни в какой пространственно-временной взаимосвязи. Поэтому оно не может испытывать *причинного воздействия* со стороны вещей и само не может причинно воздействовать на какую бы то ни было вещь (при условии, что у слова «причинность» нормальный смысл естественной причинности, т.е. существующего между реальностями отношения зависимости). Таким образом, у Гуссерля сознание способно вырваться из объятий психофизического бытия и понять, в каком смысле оно не есть физическое бытие, и значит – отличается от него. Поняв себя как «чистая сущность», оно может вернуться в подлинный мир, чтобы теперь, с полным пониманием дела, снова вовлечься в психофизическое его становление. Гуссерль хочет увидеть «чистое сознание», сознание как таковое, само по себе, увидеть посредством редукции, которая, как он полагает, позволяет выявить инвариантные (онтологические) его характеристики. Для Гуссерля практический аспект познания может быть понят только как следствие препарирования мира путем очищения сознания феноменологической редукцией. Для философии прагматизма практическая жизнь и есть психофизическая жизнь единого мира, ибо только в самом потоке переживаний сознание может реально участвовать наряду с остальным миром в его психофизическом становлении.

Психофизическое единство, о котором ведет речь Гуссерль, формируется и поддерживается в адекватном распределении переживаемых сознанием смыслов-ощущений в соответствии с реальными обстоятельствами. Ближайшей областью этих соответствий и является физическое тело, в которое воплощен субъект. Гуссерль сосредоточил внимание на сознании. Но ведь оно как бы пропитывает все живое тело. «Я»-сущность, воспринимаемая как «точка» - лишь абстракция, которая позволяет выделить эмпирическое «Я», имеющее структуру воплощения индивидуального опыта «Я» субъекта. Если нас интересует сама жизнь «Я», то действительное «Я» нужно всегда представлять как область индивидуального опыта, которая в текущей ситуации переживаний не подвергается «атаке реальностью» и ведет себя как инвариантное единство. Текущая ситуация сознания как бы не затрагивает эту область, и потому в этой ситуации она инвариантна, и тогда мы можем абстрагироваться от ее реальной психофизической структуры. Ибо «Я» суть лишь психофизическая структура, которая нас в данной ситуации устраивает, поскольку ее психофизичность нейтрализована нашими сознанием. Нас устраивает та психофизическая жизнь, в которой мы благополучно

эту жизнь переживаем, и эту психофизическую жизнь мы называем нашей личностью, воплощением самого нашего «Я». Но мир не позволяет нам долго пребывать в этом блаженном состоянии и вторгается в психофизическую природу нашего «Я», и тогда мы вдруг обнаруживаем, что оно не есть точка, не есть абсолютная инвариантность, а есть некоторое психофизическое единство во взаимозависимости нашим «Я» и противостоящего ему мира.

Возможно, что такое толкование «Я»-сущности не совсем то, что хотел бы видеть феноменолог. Но, несомненно, это то толкование, которое делает феноменологию привлекательной для клинической медицины и психологии. Впрочем, эта тема (феноменологическая интерпретация клинической медицины) заслуживает специального рассмотрения. Мы же пока вернемся к сигнификации.

Сигнификативная составляющая акта поставляет сознанию смысл, которым предметная сущность наполняется, становясь определенностью, если интуиция подтверждает ее адекватность. Интуитивная составляющая удостоверяет полноту схватывания смыслом сущности прямым усмотрением последней и самой полноты. Адекватность познания объекта контролируется профессиональной интуицией как соответствие смыслов познаваемых предметностей региональным сущностям. Философская же интуиция как бы парит над региональными сущностями.

Нам представляется, что Гуссерлевская концепция интуиции позволяет различить три основных типа научного мышления - по специфике той роли, какую в них играет интуиция – *теоретический, эмпирический и практический*. Есть резон для различения соответственно *теоретического, эмпирического и практического типов современной науки*.

Сигнификация сущности в *теоретическом* научном мышлении осуществляется на основе рефлексивных размышлений, а удостоверение в ее адекватности - на основе дополнительных, причем *наглядных* и потому более убедительных, рефлексий (пример: геометрический образ в виде графических изображений функций подтверждает аналитические идеи математики). Наглядность не означает, что дополнительные рефлексии ничего не добавляют к предметному восприятию объекта. Напротив, будучи дополнением к сигнификации, она позволяет “предметно” удостовериться в адекватности сигнификации воспринимаемой предметности. Если один и тот же теоретический результат мы получаем различными путями, то и доверие к нему возрастает. Наглядные теоретические рефлексии создают ситуацию, когда сознанию есть с чем сравнивать усмотренный смысл. В этом смысле логический метод, на котором строятся *доказательства*, постольку является основным средством постижения теоретической истины, поскольку он есть *общее средство наглядной убедительности* (он позволяет сводить непонятное и неизвестное к очевидным простым и понятным суждениям, прошедшим отбор интуицией). Формальная логика является мощным средством именно наглядного удостоверения истинности суждения, она позволяет подвергать более адекватной селекции даты сигнификативной деятельности сознания. Вообще, следует иметь в виду, что даты сигнификативной деятельности в своей основе также интуитивны, как и даты любых актов сознания. Но сознание рассматривает один интуитивный компонент акта восприятия как сугубо сигнификативный, наделяющий значением усмотренную сущность, другой же, интуитивный, компонент акта – как дополнительный, уточняющий адекватность этого значения воспринимаемой сущности. Первый акт восприятия не может быть критическим, но лишь констатирующим, асерторическим. Располагая же дополнительными актами, сознания становится аподиктическим и диалектическим, и способно к обнаружению противоречия между первичной сигнификацией предметности и реальным положением дел, а значит и к тому, чтобы устранить их дополнительными смыслами.

В *эмпирических науках* сигнификация осуществляется на основе рефлексий на эмпирические даты, и удостоверяются относительно региональных сущностей (интуитивно ясных основных теоретических положений этих наук). Все результаты эмпирической сигнификации исследуемой предметности удостоверяются в решающих экспериментах или

решающих наблюдениях - в прямом контакте сознания с реальностью, с исследуемой им эмпирической предметностью. Региональные сущности используются для планирования решающих (то есть наглядных) экспериментов и наблюдений. При этом в качестве вспомогательного объекта используется теоретическая предметность, конституируемая как результат сигнификации эмпирической предметности с одной стороны и ее наглядно-теоретических удостоверений - с другой. В частности, используются предварительные и сопровождающие рассуждения, то есть логика, а нередко и наглядное *математическое* моделирование исследуемого эмпирического объекта. Результаты такого предварительного конституирования теоретической предметности (логическое конституирование при посредстве региональных сущностей) должны пройти удостоверение в решающих экспериментах под надзором интуиции. Удостоверение усиливается, если оно также сопровождается математическим моделированием результатов решающих экспериментов - *статистическим* моделированием. Статистическое моделирование отличается от сугубо теоретического, математического моделирования тем, что в нем участвуют математические объекты, выражающие даты прямых наблюдений и решающих экспериментов. Поэтому оно позволяет сознанию исследователя как бы теснее «соприкоснуться» с моделируемой предметностью.

Следует подчеркнуть, что в теоретических и эмпирических науках действует примат региональных сущностей над единичными. В этом можно видеть особенность проявления гуссерлевского примата теоретического сознания, на котором акцентировал внимание Левинас (Levinas E., 1963, ch.4). Единичные сущности рассматриваются Гуссерлем как примеры региональных сущностей. Между тем единичные примеры, вступающие в противоречие с региональными сущностями, иногда меняют представления о региональной онтологии. И случается это именно тогда, когда интуиция видит в единичном примере новое проявление региональных сущностей. Примеры: опыты Майкельсона-Морли, положившие конец идее «эфира» в теоретической физике; опыты Резерфорда по обнаружению электрически заряженных и нейтральных частиц, окончательно покончившие с представлениями об атоме как простой частице. С другой стороны методологически продуманный анализ региональных сущностей может привести к гипотезам, которые могут быть подвергнуты экспериментальной (значит, интуитивной) проверке. Примеры: гипотеза Эйнштейна об искривлении пространства вблизи массивных тел (обнаружение «гравитационных линз»); гипотеза Абу Бакра ар-Рази (Rhazes, Abubater) об инфекционной природе многих болезней (подтверждена после появления микроскопической техники); гипотеза Джорданно Бруно о множественных мирах (открытие с помощью телескопа «Хаббл» множества планетарных систем) и т.п.

В *практических науках* познается сущность *отдельной предметности* – проблемной ситуации. Проблемная ситуация в предметном отношении может касаться самых разных регионов реальности одновременно. Реальная жизнь не подпадает под условные деления науками реальности на регионы. Ее онтология находится в непрерывном становлении. Всякая отдельная предметность является частью предметности всей реальности – ее предметных отношений с сознанием человека. И она сама включает в себя отдельные предметности. Поэтому сигнификация единичной предметности осуществляется на основе рефлексий относительно самых разнообразных теоретических и экспериментальных знаний, а значит и региональных сущностей относящихся к различным регионам. Но опорой ее служит сознание само, точнее, цели, которые сознание ставит перед собой в отношении отдельной предметности. Мысль привлекает любые сущности и данные, позволяющие реализовать необходимую ей единичную предметность. И сущность цели становится для нее несущим каркасом будущей единичности. Цель становится выражением некоторой проблемной ситуации, а разрешение последней – реализацией цели. Эта картина полностью напоминает нам прагматическое толкование научного знания. Разница в том, что особое место в этом познании теперь отводится именно интуиции. Конкретно - интуиции единичной сущности, предметность которой наполняется вторичными смыслами, позволяющими

разрешить проблемную ситуацию и достичь цели. Исходная сигнификация цели как проблемной ситуации наполняется сигнификацией ее решения. Наполнение осуществляется под надзором интуиции, подтверждающей (опровергающей) уместность вовлечения вторичных смыслов. В практических науках синтезируется отдельная предметность, в которой воплощается разрешение проблемной ситуации. Под надзором интуиции единичный объект (цель как проблемная ситуация) трансформируется (проблемная ситуация разрешается). Это значит, что единичный объект *применяется* для ее трансформации. То есть речь идет о самоприменении – о применении объекта по отношению к себе.

Таким образом, в практических науках мысль профессионала движется от сигнификации общих сущностей к синтезу единичной сущности под надзором интуиции. Интуиция осуществляет селекцию очевидностей относительно единичной сущности предмета в прямом ее удостоверении. Иными словами, в практических науках действует примат единичных сущностей над сущностями общими, региональными. В этом заключается главная специфика эпистемологии практических наук. Тем самым гуссерлевский примат теории в соответствии с тремя типами науки выступает в трех ипостасях – в сугубо теоретическом мышлении, эмпирическом мышлении и мышлении практическом.

В практических науках создается теоретический образец единичной предметности, адекватный целям ее практического применения. Общие теоретические положения и эмпирические даты, которыми располагают отдельные науки, как бы задают калибровку интуитивного пространства, которым пользуется профессионал при восприятии единичной предметности. Это позволяет интуиции конституировать единичную предметность путем создания теоретических образцов этой предметности, наиболее адекватных для достижения практических целей.

2. Итак, феноменология окончательно установила исключительную роль интуиции в познавательном процессе, утвердив ее в качестве самой сути мышления. Любой акт сознания включает интуитивный элемент, невозможен без него, невозможна сама интенциональность, поскольку именно в актах интуиции удерживается и развивается текущая различимость сознания и сознаваемого. Интуиция *усматривает* различие как сознаваемую сущность и *контролирует* его путем различения смыслов, в которых эту сущность она воспринимает и нейтрализует. Благодаря интуиции вся жизнь сознания оказывается единым потоком нейтрализаций моментов навязывания субъекту реальности, модификаций его «Я».

В любом акте, благодаря интуитивному составляющему акта, сознание меняет позицию восприятия предметности и этим модифицирует свою интенциональность. Нейтрализация заключается в модификациях интенциональности, адекватных моментам навязывания мира сознанию субъекта. Пока сознание направлено на сам предмет, оно не может прояснить самого текущего акта познания предмета, того субстрата, который в данном акте именно несет различие сознаваемого и сознания (несет нейтрализацию). Для этого нужно модифицировать его направление, удерживая предмет. Мы способны прервать текущее суждение о предмете и направить внимание на смысл самого текущего суждения. В новой позиции сознание снова *непосредственно* схватывает вещь, но теперь ему доступны новые моменты различения. Фактически каждый акт интуиции возможен постольку, поскольку мы можем поставить сознание в новые смысловые позиции, *редуцируя* прежние акты, делая сами прежние акты частью нового восприятия предметности, новой нейтрализации моментов навязывания реальности сознанию. Новое нейтрализующее представление о вещи конституируется в его новом ноэтико-ноэматическом единстве с субъектом, составляющем новое различие между сознаваемым объектом и сознающей субъектностью. При этом прежний акт сохраняется внутри модифицированного акта, сохраняет в нем свои смыслы.

С концепцией интуиции Гуссерля непосредственно связана процедура феноменологической редукции (Идеи, §§56-62)², своего рода “техника” картезианского

² По мнению В. Молчанова, предпосылки для введения процедуры феноменологической редукции были у Гуссерля еще в его ЛИ, где описана процедура «эпохе», заключающаяся в отстранении сознания от существования предмета, в достижении безразличия к его существованию (Молчанов В., 2001, с.496).

сомнения, как бы *организующая* интуитивное мышление. Центральные объекты редукции – “смыслы” и “значения”, выражающие логическую природу познания и представляющие собой инвариантное “интенциональное единство”, в котором полагается познаваемый предмет.

Феноменологическая редукция сама представляет собой интуитивную операцию, описание которой вводит нас сразу в самое сердце феноменологии Гуссерля. Феноменологическая редукция - понятие, выражающее процесс освобождения сознания от так называемой *естественной установки*, в которой представление о предмете отождествляется с самим предметом. Нам видятся не образы, созданные нашим сознанием, а сама трансцендентная сознанию физическая действительность вещи. Ибо именно физическое навязывание реальности сознанию стремится в первую очередь нейтрализовать. Прагматизм принимает физические приоритеты нейтрализации в качестве начальных условий существования сознания, и в этом позиции феноменологии и прагматизма совпадают. Эта установка прагматизма не противоречит тезису феноменологии, согласно которому сознанию даны чувственные и рефлексивные *представления* о реальных вещах, а не их копии. Благодаря интуиции мы можем варьировать интенциями и перейти от восприятия вещей в *естественной установке* к восприятию самих переживаний, в которых вещь воспринимается - к *рефлексии*. Это не значит, что мы отстраняемся от реальности. Напротив, мы получаем возможность подготовиться к дальнейшему сближению с вещью, сохранив первичное восприятие, первичную нейтрализацию. В рефлексии мы поворачиваем сознающий взор от познаваемого к самому акту его познания. Сознание переходит от восприятия предмета в естественной установке к восприятию самого этого акта восприятия (в естественной установке), находящемуся в сознании. И этот переход от восприятия физического мира, данного в пространстве и времени, к самим переживаниям, также включает момент интуиции, а именно интуиции, различающей сам акт восприятия. Сам этот поворот есть интуитивный акт различения, который осмысливает наивный акт, обнаруживает ее наивность. В рефлексивном акте само переживание становится интенциональным предметом, то есть его интенциональные предметы сами принадлежат к тому же *потоку* переживаний, что и предметы внешнего мира [Идеи, I, §38.]. Само переживание объективируется, воспринимается сознанием. В этом смысле оно в чем-то аналогично объективации в наивном восприятии мира, когда мы видим внешний предмет в пространстве и времени. То и другое переживание есть идентичный в своей сущности акт непосредственного различения сознанием *представления* (о предмете), на которое оно направлено. Таким образом, в феноменологической редукции вещи редуцируются к феноменам, их реальный статус не обсуждается [КР, С.271.].

Феноменологическая редукция включает *феноменолого-психологическую, эйдетическую и трансцендентальную* разновидности, фазы (The Encyclopedia Britannica, 14-th ed., 17, 1939, p.699-703; Идеи, §§56-62).

В *психологической редукции* сознание поворачивается от восприятия мира в естественной установке к сосредоточению на самих переживаниях сознания, а в *эйдетической редукции* - от рассмотрения самих переживаний к усмотрению их сущностей. В *трансцендентальной редукции* нам открывается *чистое сознание*, освобожденное от внимания к эмпирическим компонентам сознания; сознание как бы «выносит за скобки» их обсуждение, освобождается от внимания к существованию эмпирического субъекта и феноменам его психической жизни и обнаруживает ноэтико-ноэматическую структуру самого сознания.

В *феноменолого-психологической редукции* мы воздерживаемся от суждения о физическом, пространственно-временном существовании здесь и сейчас, от принятия решения о бытии или небытии мира (КР, §23). Мы направляем взор на само восприятие, на переживание сознания. Мы редуцируем трансцендентный мир к чисто психическому миру; нашему сознанию является не внешний мир или его части, а “смысл” мира. В естественной установке мы сознаем интенциональный предмет как реально существующий. В редукции

мы выходим из интенциональных актов, рефлектируем относительно них. Реальное существование вещи не рассматривается, не рассматривается само свойство предмета быть реальным, то есть обладать существованием, *навязанным* нашему сознанию. Момент навязывания сознанию существования как бы *нейтрализуется*, так как феноменологический состав восприятия изолирован от реального существования вещи. Мы рассматриваем восприятие красного цвета как восприятие «красности», а не как трансцендентный восприятию цвет реального предмета. (ЛИ, Введ., §1,3; Идеи, §31-33,50,54,56-57). «Красность» как таковая не связывается с реальным существованием предмета. Мы как бы совершаем акт *epoché*, воздерживаемся от суждения о реальности предмета, о присущем для ее восприятия подразумевании существования действительной вещи, ограничиваемся самим феноменом, а подразумевание рассматриваем как часть феномена. При осуществлении феноменолого-психологической редукции выключению из сферы наших суждений подлежат все науки о природе и духе вместе со всем составом своих познаний; они подлежат выключению именно как науки, нуждающиеся в естественной установке (Идеи I, §56). Все *естественные* науки связаны с нашим представлением о мире как существующем независимо от нашего сознания. Цель *наук с естественной установкой* — познавать мир все полнее, надежнее, во всех отношениях совершеннее, нежели то делает наивное опытное знание, решать все задачи научного познания, какие возникнут и на ее почве (Идеи I, §30) (то есть задачи, возникающие и на почве самой естественной установки – авт.). Естественные науки нейтрализуют физический состав момента навязанности мира нашему сознанию, физические сущности. Осуществляя редукцию, мы не должны «выключать» *сущности*, поскольку при этом мы выключаем и науки [Идеи, I., §56-60].

В *эйдетической редукции* происходит очищение феноменов сознания от *фактичности переживаний*. Феноменолого-психологическая редукция очищает феномены от внешней реальности, превращает их в чистые переживания сознания, но они остаются *фактами* сознания. В эйдетической же редукции мы пренебрегаем фактической стороной феноменов и используем их только как “примеры”, характеризующие общие сущности. (The Encyclopedia Britannica, §2]. Теперь переживания предстают не как конкретные явления здесь и сейчас, а как *вневременные сущности*. То есть эйдетическая редукция открывает сущности в сфере психического бытия. Становится явной типическая особенность любого психического факта. В эйдетической редукции мы совершаем переход от фактов к их сущностям, возможен сам по себе лишь на основе интуиций, способных усматривать чистые сущности.

Феноменолого-психологическая редукция, устранив естественную установку, ограничивает опыт нашего сознания внутренним опытом, полем сознания, ставшей для нас «действительностью». Теперь предметом интуитивного исследования становится сознание само, содержания его *cogito*, сам факт, что каждое я сознает, даже независимо от того, соответствует ли его сознательному переживанию некая действительность. Теперь с самим сознанием как сознанием эмпирического субъекта мы можем сделать то же самое, что ранее мы сделали с естественным внешним миром [Идеи I., §33-34.]. Это мы и делаем в трансцендентальной редукции, ставя вопрос о том, что вообще есть сознание и реальный мир, «проявляющийся» в сознании. Этот вопрос также охватывает бытие любого идеального мира (мира сущностей) и его «бытие-для-нас». (The Encyclopedia Britannica, §3.). Сущности, хотя они и не являются частью реальности, воспринимаемой в естественной установке, так же чужды, трансцендентны непосредственному составу сознания, как и реальные вещи. И осознать их как чуждые может только сам субъект, способный усмотреть эту их чуждость в интуициях трансцендентального сознания. Факты внутреннего опыта и *психологическое “Я”*, оставшиеся после феноменолого-психологической редукции, также оказываются частью мира, трансцендентного по отношению к трансцендентальному “Я” [КР, §11]. И теперь мы выключаем не только внешний мир, но и мир внутренний, то есть саму эмпирическую субъективность. В подобном выключении сознание становится сугубо созерцательно-философским. Оно уже не связано с практической жизнью личности, с жизнью эмпирической личности. Но пройдя через такое «философское выключение», личность

получает возможность наиболее полно *практически* нейтрализовать моменты навязывания реальности. Поэтому трансцендентальная редукция может рассматриваться как продолжение редукции психологического опыта. Отныне в скобки заключается не только мир, но и сфера “душевного”. Психолог редуцирует привычный устойчивый мир к субъективности “души”, которая сама составляет часть того мира, в котором она обитает. Трансцендентальный феноменолог редуцирует эту психологически очищенную субъективность к трансцендентальной, к универсальной субъективности, конституирующей мир и слой “душевного” в нём. (The Encyclopedia Britannica, §3)

Трансцендентальная редукция обнаруживает не только «бесплотное», но и «бездушное» сознание [Идеи, I, §54, 56-57.]. Сознание предстает не в психических переживаниях некоего живого существа, не в составляющих душевной жизни человека, не в состояниях такого-то человеческого “Я”, в смене которых выражаются тождественные психические свойства человека. Оно берется как абсолютное, трансцендентально чистое сознание - сознание в себе самом, полностью *очищенное от реальности*. [Идеи, I, §33,49,54; КР,§14.]. Остаётся “чистое переживание акта” и чистое “Я”; происходит переход от эмпирического сознания и эмпирического “Я” к *чистому сознанию и чистому “Я”*. [Идеи, §35,56-57]. Бытие трансцендентального *ego* и его *cogitationes* (взятые как сущности) предстает в сознании как аподиктическая очевидность, в значении необходимо очевидной сущности. В таком значении сущность их трансцендентального бытия не могла быть обнаружена до трансцендентальной редукции, так как она не является частью объективного мира [КР, §9; The Encyclopedia Britannica, §3]. «Таким образом, в действительности естественному бытию мира - того, о котором я только и веду и могу вести речь, - в качестве самого по себе более первичного бытия предшествует бытие чистого *ego* и его *cogitationes*. Естественная почва бытия по своей бытийной значимости вторична, она всегда предполагает трансцендентальную» [КР, §8]. Таким образом, трансцендентальная редукция вскрывает ноэтико-ноэматическую структуру сознания. На месте воспринимаемого в естественной установке мира теперь — в чистом сознании — остаётся его смысл (ноэма). Трансцендентальная редукция совершает *εποχή* касательно реальности. Однако к тому, что сохраняет она от действительности, принадлежат ноэмы с заключенным в них ноэматическим единством, а тем самым и тот способ, каким именно создается и в специфическом смысле дается реальное в сознании.

Осуществляя феноменологическую редукцию, мы «выключаем» всё трансцендентное по отношению к чистому сознанию, за исключением сущностей и чистого «Я» [Идеи, I, §56-60]. То есть мы «оголяем» сознание перед миром и тем самым делаем нашу интуицию непосредственно восприимчивой к реальности. Смыслы, которые при этом открываются нашему сознанию, непосредственно достигают мира, и мы воспринимаем его таким, каким он становится доступным сознанию посредством этих открывающихся смыслов.

Феноменологическая редукция применима в любой сфере познания с учетом специфики региона, который та познает. Каждый регион обладает собственными базовыми сущностями, и это позволяет нам сузить область применения метода феноменологической редукции до пределов региональных обстоятельств, в которых он применяется. Региональные сущности воспринимаются интуицией как истины, требующие абсолютного признания в рамках данной науки. Но существуют индивидуальные истины, которые обнаруживают свою необходимость в конкретных обстоятельствах; В них как бы интуированы региональные сущности в конкретных обстоятельствах, ставшие, поэтому, относительными истинами — относительными относительно конкретных обстоятельств. В каждой конкретной ситуации нам нужны не просто региональные истины как «абстрактный императив», не капитализированные опытом индивидуальные истины из прошлого опыта, а те истины, которые соответствуют обстоятельствам именно данной конкретной ситуации. Поток сознания в созерцании каждого региона включает усматриваемые сознанием специфические для региона смыслы. Право на такое сужение нам дают прагматические соображения: мы можем рассматривать феноменологическую редукцию как один из методов организации

интуитивного мышления в той или иной области познания, учитывая специфику ее целей. Каждая область знания по существу развивает собственные модификации интуирования (нейтрализации) изучаемой ею реальности. В каждой из таких областей интуиция играет специфическую для нее роль и имеет свое место. Сущности регионов различны, поскольку различны смыслы, в которых они могут быть адекватно интуированы (нейтрализованы). Ведь в смыслах конституируется отношение к предметности; употреблять смысл и относиться к предмету суть одно то же; говоря о значениях, мы часто подразумеваем сами предметы, которым придано значение (ЛИ, т.2, I, §15).

3. Итак, сущности и чистое “Я” не выключаются в процессе феноменологической редукции. Но коль скоро науки создают философию (упомянутый выше тезис Башляра), коль скоро существует философия науки, то возникает естественный вопрос: насколько далеко мы можем зайти в акте выключения естественной установки, когда используем редукцию в пределах философии отдельных наук? Очевидно, в каждой науке этот вопрос должен иметь свой ответ. И это следует из самой концепции регионирования реальности по Гуссерлю. Поэтому ответ, представляющийся естественным в одной науке, неприменим в другой. Ведь различны сущности, к которым сводится рассматриваемый каждой наукой регион мира. Различно содержание самого понятия бытия в них. А потому различным должно быть содержание феноменолого-психологической редукции в пределах философии каждой науки.

Выше мы отметили, что понимаем под нейтрализацией эффект устранения момента навязывания сознанию реальности – как реальности идеальной, так и физической. Момент навязывания присущ той и другой реальности, но присущ по-разному. Это и говорит нам о том, что реальность существует, что она дана сознанию. Поэтому нейтрализацией является само возникновение некоторой мысли о некотором моменте существования предмета, смысла, которым этот момент воспринимается. Такое понимание нейтрализации позволяет ввести своего рода шкалу, градуирующую нейтрализацию моментов навязывания реальности. Каждый регион реальности занимает в этой шкале свое место. Наивной установке соответствует нижний предел шкалы нейтрализации. В наивной установке мы встречаемся с основной формой нейтрализации, ведущей ее формой при всей ее «наивности». Все другие формы нейтрализации оказываются лишь «доводками» наивной нейтрализации до кондиции нейтральности, которая адекватна характеру навязывания. Запомним это принципиальное уточнение.

Говоря о феноменологической редукции, обычно описывают ее только как процедуру «выключения», забывая о той цели, ради которой она и совершается. Сознание философа может долго оставаться в таком «выключенном созерцательном состоянии». Он ведь преследует иную цель, чем профессионалы региональных наук. Никто от этого, не пострадает. Только сам философ, увлекшись высокими абстракциями, может свалиться в колодезь, как это случилось когда-то с Фалесом (Платон. Теэтет, 174). Сознание же профессионала отдельной науки после философского «выключения» должно вновь вернуться в региональную реальность. Для профессионала любое такое «выключением» должно завершаться новым «включением», точнее даже «подключением» к региональной реальности, воспринимаемой его обновленным сознанием. Но теперь профессионал имеет дело с новым восприятием региональной реальности, конституированной новым предметным отношением между сознанием философствующего профессионала и действительным, трансцендентальным в пределах региона миром. Цель редукции – «включить» сознание о мире, в котором восстановлены более адекватные предметные отношения между сознанием познающего и самим трансцендентным миром. Это новое предметное отношение, новая онтология, может пронизывать любые регионы реальности, когда речь идет о философском познании. Способность сознания «выключать/включать» реальность делает возможным практику систематического пересмотра предметных отношений между субъектом и действительным, трансцендентальным миром. Масштабы такого «выключения/включения» могут быть глобальными, то есть сугубо философскими, а

могут иметь региональный характер, охватывая предметность, исследуемую отдельной наукой. Но для представителей отдельных наук предметное отношение между их сознанием и самим трансцендентным миром ограничивается соответствующим регионом. В случае практических наук оно ограничивается представлением об эмпирическом объекте. В клинической медицине таким представлением является представление об индивидуальной природе здоровья отдельного пациента - его «клинический диагноз». При этом «выключения/включения» охватывают не «одноразовое» понимание врачом специфики индивидуальной природы конкретного пациента (в исходном диагнозе), а выстраиваются в некоторую последовательность, в траекторию «выключений/включений». Врач, выстраивающий цепь редукций, непрерывно интуирует, удерживая свое сознание в контакте с потоком становящейся эмпирической природы пациента – его психического и физического состояния. Он стремится встроиться в этот поток, чтобы иметь возможность корректировать его там, где сама индивидуальная природа пациента не справляется со своим эмпирическим становлением.

Региональные сущности различны. Редукция, которую должны время о времени проводить профессионалы различных наук, не должна «выключать» региональные сущности, чтобы не исчезли сами эти науки. Но редукции вторичных, эмпирических сущностей ведут к изменению понимания региональной сущности в процессе *частичных* «выключений» и «включений». В практических науках сущности индивидуализированы, «включения» и «выключения» также индивидуализированы. Так, врачевание, по сути, сводится к констатации эмпирических сущностных изменений в здоровье пациента с тем, чтобы способствовать определенным сущностным изменениям его эмпирического самочувствия. Врач должен вести больного так, чтобы в его индивидуальной природе «выключались» болезненные эмпирические сущности и «включались» здоровые.

Таким образом, для каждой науки *эпохе* имеет принципиально свой, специфический характер. Философски мыслящий профессионал каждой науки видит специфический регион реальности, и предметность в каждой из них имеет различный сущностный характер. Физические сущности, которые допустимо подвергать эпохе, зависят от специфики предметных отношений сознания профессионала с изучаемым им регионом. Каждую науку интересует тот диапазон шкалы нейтрализации, который соответствует исследуемому ею региону. В шкале нейтрализации психологические науки следуют сразу за физическими науками, социальные (гуманитарные) науки – за науками психологическими. За гуманитарными науками следуют точные теоретические науки, в которых нейтрализация достигает своего апогея и становится сугубо рефлексивным. При этом каждая наука стремится максимально исчерпать моменты навязывания реальности сознанию в пределах своего региона. Суммарно они стремятся нейтрализовать моменты навязывания сознанию всей реальности. Каждая наука стремится обзавестись собственной теорией. Доведение нейтральности предмета до «кондиции адекватности» в каждой науке имеет свою содержательность и зависит от развития ее теории. В естественных, теоретических и практических науках содержательность адекватностей несопоставима, различны характер и содержание «эпохе», в которое погружается теоретическое сознание профессионалов. В практических науках даже один и тот же объект в разном отношении подвергается теоретической редукции, в них различно само содержание «эпохе». Селекционера в конкретной собаке интересует *ее порода*, ветеринара – состояние *ее здоровья*. Характер «эпохе» в отношении исследуемого объекта определяет конституирование в сознании профессионала соответствующего предмета, теоретического объекта.

Полное «выключение» физического мира как существующего в пространстве и времени, допустимое философским сознанием, недопустимо в отдельных науках. Ведь отдельная наука имеет задачу теоретически нейтрализовать вполне конкретные, региональные навязывания реальности. Полное «выключение» лишает науки самого предмета познания. Без самого реального предмета профессионал не имеет возможности интуитивно подтвердить адекватность своего суждения о предмете прямой верификацией. Наука стала

бы чистой спекуляцией. Поэтому как бы ни философствовал профессионал, представляющий определенную науку, он все равно должен вернуться к региональным сущностям и к региональной предметности мира. Он может уточнить, пересмотреть с помощью редукции региональные сущности, но он их не удалит из рассмотрения и предоставит интуиции полный простор для усмотрений.

В психологических науках можно допустить очистку сознания от физической фактичности, но не от психической. Из психической фактичности складывается ценностная жизнь каждой личности, сам объект психологии. Поэтому вопрос о пределах допустимости эйдетической редукции должен решаться в зависимости от индивидуальных обстоятельств, в которых психолог верифицирует проблему личности пациента. Психолог не может лишать пациента дорогих его сердцу переживаний: не все они повинны в его психологических проблемах. Но может помочь пациенту прийти к их новой интерпретации, сделать их новой фактичностью его сознания, адекватно нейтрализующей давление реальности.

Теоретически психолог имеет право на любые уровни эйдетической очистки, если это содействует решению проблем пациента. Но для практической психологии сразу же возникает вопрос: ради чего и ради кого должна осуществляться столь радикальная редукция? Ради познаний врача или ради интересов конкретного пациента? Разумеется, прежде всего ради интересов пациента. Именно интерес пациента играет в аналитической психологии и психиатрии роль ведущего сущностного понятия. Практическое решение относительно конкретного пациента психоаналитик или психиатр будет решать исходя из индивидуальной клинической проблемной ситуации пациента. И будет решать ее вместе с пациентом, которому он будет стремиться вернуть контроль над фактичностью собственной психической жизни. Будет решать на основе профессиональных интуиций.

Как только феноменолог принимает тотальное навязывание реальности сознанию как очевидность, он неизбежно становится на почву прагматизма. Феноменология оказывается естественным орудием нейтрализации этого тотального «насилия реальностью» сознания.

4. Итак, выключая физический и психологический миры, мы ограничиваем сферу действия интуиции областью, включающей «Я»-сущность и некоторую интенционально связанную с нею область «НеЯ»-сущностей. Мы не рассматриваем другие области реальности как объекты интуитивного восприятия. Регулирование интуицией на разных этапах феноменологической редукции заключается в регулировании сферы интуитивных различий. Личностное «Я» и трансцендентный мир – два полюса этой сферы, области, из которых второй навязывает себя первому, первый нейтрализует это навязывание посредством смыслового восприятия. Высшая нейтрализация достигается в рефлексии, когда сознание обращается к самим актам.

В рефлексии первоначальное переживание сменяется, по существу, другим, рефлексия как бы изменяет первоначальное переживание, и это справедливо для всякой рефлексии, в том числе - естественной; рефлексия делает предметом то, что прежде не было предметным постольку, поскольку было самим переживанием. (КР, §15). То есть даже в естественной рефлексии, присущей самому обыденному мышлению, присутствует элемент редукции, присутствует в «естественном» виде, стихийно, не полно, «урезанно» и не организовано. Но и оставаясь в естественной установке, мы вынуждены контролировать предметность, контролировать свои переживания, то есть нейтрализовывать наседающую на наше сознание противостоящую ему реальность. Каждый сам в собственной практической жизни стремится организовывать свое предметное (заодно - интуитивное) восприятие мира, сам выстраивает систему очевидностей. От того, как мы организуем интуицию, зависит эффективность нашей сознательной деятельности. Любое мышление стремится основываться на рационально организованном процессе восприятия. Мы всегда пытаемся упорядочить мысли, иметь порядок в самом процессе познания. В этой упорядоченности восприятия для нас заключается сама возможность нейтрализации. И поскольку в основе познания лежит интуитивное восприятие, то именно его мы, в конечном счете, и пытаемся организовать в

стихии обыденной жизни. Это естественное стремление прагматизм делает основным объектом философии.

Процесс упорядочения мышления в высшей степени индивидуален, поэтому элементы стихийности здесь преобладают. Стихийная редукция неполна, ограничена пределами интересов субъекта в конкретном акте познания: она изначально прагматична. В обыденной жизни мы пользуемся редукцией, исходя из текущих обстоятельств. Сами эти обстоятельства не могут быть восприняты сознанием иначе как в процессе редукции. Наше сознание должно выпасть из прежних обстоятельств реальности, чтобы новые обстоятельства реальности были им восприняты. Выключения нам нужны именно в силу того, что изменчива сама реальность, представленная сознанию в потоке очевидностей. Контролировать поток реальности как поток очевидностей – значит оставаться адекватным реальности. Гуссерль не только разглядел интуитивную природу мышления, но и тот общий метод, которым мы можем превратить стихийно текущий интуитивный процесс познания в процесс осознанно регулируемый. Поэтому трудно переоценить значение феноменологической редукции как обобщенного метода интуитивного мышления в сфере практических наук. Ведь стремление обуздать стихию интуиции издавна присуще именно практическим наукам, к числу которых относится клиническая медицина.

Выше мы ссылались на Сартра, отмечая, что интенциональность для Гуссерля означает, что все сознаваемое сознается постольку, поскольку обладает отличием от самого сознания. Это положение имеет далеко идущие следствия. В том числе для понимания границ, в которых редукции могут быть оправданы практически. Из этого положения следует, что в актах редукции сознанием проясняются отличия сознаваемого и сознания, поскольку прежнее сознание объективируется проясненным в редукции сознанием. Из него также следует, что каждый отдельный интенциональный акт контролирует некоторую определенную область различения сознания и сознаваемого. Поэтому даже простое отвлечение внимания от одного объекта к другому объекту есть своего рода редукция. Так мы приходим к расширенному пониманию феноменологической редукции. Редукция, собственно говоря, есть любое изменение сознания, ограничивающее определенность сознаваемого некоторой областью внимания. То есть редукция является неизбежной частью самого сознательного акта – нельзя что-либо сознавать, не акцентируя внимания на некотором предметном «нечто», отвлекаясь от других предметностей или ставя их в связь с новым вниманием или даже подчиняя ему. Поэтому редукциями полна сама обыденная жизнь сознания. Гуссерль вырвал редукцию из стихийной жизни сознания, описал ее феноменологическую структуру, сделал реальной практику систематического пересмотра философских оснований наук и философского понимания самой обыденности. Благодаря этому, обыденность реально становится объектом научного исследования. Практика систематического пересмотра оснований наук реальна постольку, поскольку профессионал каждой науки пользуется интуициями определенного типа, соответствующего восприятию сущности региона, с которым данная наука имеет дело. Такая практика предполагает возможность контроля каждой наукой своих оснований и сводится к контролю интуиций в интересующей среде профессионалов. Практика систематического пересмотра природы самой обыденной действительности реальна постольку, поскольку каждый субъект пользуется интуициями определенного типа, соответствующими обстоятельствам *его* жизни. Такая практика предполагает возможность контроля каждым субъектом своих обыденных интуиций, которыми он пользуется в социальной реальности.

В психологической редукции, то есть при отвлечении от естественной установки, сознание акцентуируется на этажах внутреннего мира и становится сугубо рефлексивным. В эйдетической редукции оно освобождает внимание от акцентуаций на рефлексивном «этаже» сознания и переводит их на чистые сущности. Но навязанный нашему существованию реальный мир возвращает нас к физической и психической жизни. Все результаты редукций вынуждены проходить экзамен жизни на *психофизической поверхности бытия*, конституируемой моментами чувственных и рефлексивных различий реальности. Любая

определенность, к которой нас подталкивают убеждения, психологические наклонности и физические обстоятельства, подвержена селекции на этой поверхности, прежде чем она нейтрализуется в сфере чистого мышления. Прагматизм заявил о том же со всей определенностью и отчетливостью, поскольку он предполагает практику систематического пересмотра естественных целей и интересов, вытекающих из самой человеческой жизни. Метод феноменологической редукции является вполне подходящим дополнением к давно освоенному им эклектическому интуитивизму. В своем эклектизме прагматизм обнаруживает особый интерес к проблеме интуиции. Но мало быть демократичным в отношении разных методов достижения целей, нужно быть еще и эффективным в их применении. Основные идеи интуитивизма Гуссерля как раз и стыкуются с заинтересованностью прагматизма в эффективном эклектизме.

Теперь обратимся к самому важному моменту нашего анализа роли интуиции в практических науках, проецируя ее на медицину как практическую науку.

V. Интуиция и сущность врачевания

В медицине чистое «Я» пациента – та область реальности, с которой профессионал должен считаться как с последней инстанцией, определяющей физическую и психическую предметность пациента – его индивидуальную природу. Врач всегда вынужден считаться не с абстракцией индивидуальной природы конкретного пациента, а с тем эмпирическим субъектом, которому принадлежит право регулирования своим физическим и психическим бытием. Врач не может надолго покидать пациента как эмпирического субъекта, наделенного таким правом. Он лишь может стремиться к тому, чтобы тот мог этим правом пользоваться, в полной мере контролируя свое здоровье. Он лишь стремится к тому, чтобы адекватно сопровождать естественное становление эмпирического субъекта пациента и *теоретически*, и *практически* – в той мере, в какой тот нуждается в теоретическом и практическом сопровождении. Врачевание заключается в *профессиональном сопровождении* пациента в эмпирическом «потоке» становления его индивидуальной природы. К решению проблемы теоретического и практического сопровождения «текущей», становящейся индивидуальной природы пациента во многом и сводится цель клинической медицины как практической науки.

Но что значит теоретически и практически сопровождать пациента как эмпирического субъекта и индивидуального природного объекта? Это значит, что врач должен профессионально вовлекаться своим сознанием в поток эмпирического существования пациента – собственника своей психики и своего физического тела. Чтобы понять, как врач может вовлекаться в становление эмпирического субъекта пациента, мы должны вернуться к тому важному уточнению, которое мы сделали относительно концепции феноменологической редукции.

Мы отметили выше, что в самой обыденной жизни феноменологическая редукция, ее компоненты в той или иной степени совершаются стихийно. Совершаются неполно, настолько, насколько позволяют субъекту его опыт самосознания, обстоятельства и интересы. В той или иной степени ее отдельные этапы и проявления присущи любому сознанию, и определяются целями субъекта. Прагматизм, ссылаясь на здравый смысл будет отрицать саму возможность и даже сознательность феноменологической редукции, если она совершается, не считаясь с обстоятельствами и целями познания. Но прагматизм не станет отрицать практическое значение метода феноменологической редукции уже потому, что использовать ее для достижения целей не только можно, но и в высшей степени желательно. Разумеется, прагматизм будет против всякого стремления сделать феноменологию средством познания, которому мы должны следовать как всеобщей науке. Во всеобщей науке с его точки зрения нет никакого смысла, если эту всеобщность мы не рассматриваем сквозь призму ее пользы для человека. Ведь прагматизм будет считать себя вправе ставить под сомнение *целесообразность* проведения любой фазы феноменологической редукции, если она проводится или не проводится без учета текущих обстоятельств. Метод мышления не

должен затмевать интуицию целесообразности и сами цели. Феноменологическая редукция не должна применяться всуе, а лишь сообразно целям познания. Прагматизм воспринимает феноменологию как метод, созвучный эклектизму, помноженному на целесообразность. Феноменологическая редукция может быть интересна прагматической философии как метод, позволяющий организовать стихийную жизнь эклектического интуитивизма, присущей классическому прагматизму. Эклектизм предполагает приветствие любых интуиций, если те могут вести к цели. Любой эффективный инструмент отбора интуиций может для него сгодиться. Но какой интуиции должно быть отдано предпочтение? Ведь выбор интуиций ограничен стихийными обстоятельствами. На этот вопрос прагматическая теория истины не отвечает. Феноменологическая редукция задает некую процедуру упорядочения в деле прояснения этого прагматического вопроса.

Принципиально важным для практических наук является положение Гуссерля о том, что в интуитивном переживании смысла подразумеваемый как таковой предмет наглядно сознается, способ созерцания его дает предмет как бы первоначально, из самого источника. В *интуиции сознанию предметно дается первичный смысл объекта*, первичное различение моментов реальности объекта. Понятие *первичности* отсылает нас к используемости смысла, в котором объект воспринимается, а заодно – используемости объекта. Ибо первичным мы готовы назвать лишь то, что нельзя изменить в некоторых интересующих нас пределах, то, что, возможно, мы просто не желаем изменить в данных обстоятельствах. Но именно эта неизменность и пределы, в которых неизменность принимается нами сознательно или вынужденно, в силу навязанных нашему сознанию обстоятельств, делает первичные сущности сознательно *используемыми*. Первичным с любой точки зрения может быть лишь то, что мы можем принять как данность, неизменную в пределах некоторых обстоятельств. Поэтому именно принятием тех или иных первичных смыслов мы и оказываемся способными наделять сознаваемые объекты *предметностью*. С помощью первичных смыслов мы можем практически удостовериться, соответствуют ли и в какой мере соответствуют конституированные сознанием сложные предметности самой реальности. Это соответствие мы устанавливаем, сопоставляя смысл с непосредственно усматриваемой предметностью. Предметность в том и состоит, что она может быть использована практически, и именно это делает достижимыми (реализуемыми) цели субъекта. К *адекватному регулированию предметности реальных объектов*, собственно говоря, и сводятся цели практических наук. И это еще одно прямое свидетельство сопряженности прагматического мышления с феноменологическими интуициями.

Указанное выше положение Гуссерля (о первоисточнике предметности), истолкованное с прагматической точки зрения, на наш взгляд, имеет далеко идущие следствия для создания теоретических оснований практических наук, в том числе – клинической медицины как науки врачевания. Врачебная интуиция во все времена была и ныне остается ключевым инструментом успешной клинической науки и практики. Но она в известной мере жила и продолжает жить стихийной жизнью. Врач всегда оставался наедине со своей интуицией, хотя во врачебной среде это одиночество кажется невозможным: врачебные консилиумы – естественная составляющая научно-клинической практики. Но почти невозможно встретить врачебное сообщество, которое пыталось бы осмысленно упорядочить врачебную интуицию. Если интуиция не подводит врача, если он адекватно применяет свою интуицию, то ему сопутствует слава и почести, а также зависть коллег (черная или белая – это уж как получится). Если интуиция подведет хотя бы раз, то дело может иметь для него и его профессиональной карьеры самые драматические, а то и трагические последствия. В республиках бывшего Советского Союза с их патерналистскими традициями в системах здравоохранения нередко можно видеть прямое насаждение различных стандартов в ущерб той роли, которую играет интуиция врача в разрешении конкретных клинических проблемных ситуаций. Но верно и то, что интуитирование не должно быть стихийным процессом. Где тут «золотая середина»? Это – «вопрос вопросов», от ответа на который во многом зависит дальнейшая судьба клинической медицины. И ответ на него нам никогда не

отыскать, пока врачебное сообщество не возьмется всерьез за проблему врачебной интуиции, понимая ее как важнейший инструмент устранения из клинической науки и практики моментов стихийности, как важнейший фактор, организующий интеллект врача.

Создание полноценной теории врачебной интуиции открыла бы возможность более адекватного регулирования той предметности, с которой имеет дело каждый врач – индивидуальной природы пациента. Тогда мы могли бы с полным основанием считать клиническую медицину (и медицину в целом) строгой практической наукой, с единым теоретическим основанием. Биомедицина, понимаемая ныне как теория медицины (Rose N., 2007), фактически продолжает традиции медицинской натурфилософии времен Гиппократов, и потому во многом остается натурфилософией, в основание которой положена концепция организма. Дополнение клинической медицины теорией интуиции, несомненно, наделило бы ее способностью достигать эффектов на порядок более высоких, чем удается ныне.

Гуссерль вел речь о примате теоретического знания, касаясь всех регионов бытия, изучаемых разными науками. С позиций теоретического примата традиционное деление наук на теоретические и эмпирические дисциплины более чем условно, ведь любая эмпирическая наука оказывается теоретической в своем основании, а любая теоретическая наука опирается на элементы эмпиризма. Эмпирическая наука должна не только как-то *понимать* свой объект, но и регулировать тот теоретический смысл, в котором объект ею рассматривается. Без адекватного философско-теоретического сопровождения она не может адекватно понимать свои объекты. Эта адекватность сопровождения не может быть оценена без интуиции, непосредственно верифицирующей эту адекватность.

В отличие от наук теоретических, эмпирические науки требуют подтверждающей интуиции из физических первоисточников, а не из наглядных образов. В практических науках истинность цели познания оправдывается ее достижимостью и лимитируется существованием объекта. Достижение практической цели подтверждает истинность ее интуирования как необходимой цели, а также и истинность интуиций, *использованных* для ее достижения. Поэтому именно в практических науках интуиция оказывается главным действующим лицом познавательного процесса, и эмпирический метод здесь преобладает и уравнивается в правах с теоретическим.

В медицинском познании традиционно господствует эмпирический метод. Здесь первоисточник знаний – клинический опыт. Теоретическая медицина – область обобщения этого опыта, и это обобщение строится на основе математической статистики и теории вероятностей. Она развивает общее представление о пациенте и других объектах медицинской науки. Врач же имеет дело с конкретным больным, и в каждом конкретном клиническом случае наполняет абстрактное понятие «пациент» единичным клиническим содержанием. Клиническая медицина как наука врачевания требует предельной индивидуализации знания о *пациенте* как абсолютном первоисточнике. Она требует обращения к этому абсолютному первоисточнику, к индивидуальной природе *клинического случая* в сигнификативном и интуитивном актах. Она конституирует смыслы только в самом клиническом случае как абсолютном первоисточнике знания состояния больного. И в самом же первоисточнике интуитивно удостоверяет их. Каждый такой случай – проблемная ситуация конкретного пациента. Предмет, конституируемый сознанием врача, – это индивидуальная клиническая проблемная ситуация конкретного пациента, то, что мы называем *диагнозом*. Практическое разрешение этой проблемной ситуации исчерпывает сам предмет – проблему пациента, его диагноз.

Региональные представления о сущности здоровья и болезней конституируются в опыте «среднестатистической медицины» и служат лишь для общего ориентирования врача. Каждый клинический случай лишь отчасти можно рассматривать как пример общего случая. Мало того, каждый клинический случай скорее сам порождает новое общее знание и лишь отчасти подтверждает старое. Именно поэтому роль интуиции в клинической медицине исключительна. Только интуиция, воспринявшая весь региональный опыт, позволяет врачу идентифицировать проблемную ситуацию конкретного пациента. Теоретической и

эмпирической опыт медицина используется врачом как фон различия специфической природы конкретного клинического случая, как первая фаза его верификации. Она еще не наполнена конкретным индивидуально предметным смыслом. Для каждого клинического случая приходится выстраивать дополнительную теорию, предметно сближающую знание о нем с реальной индивидуальной природой пациента как с первоисточником знания. Этой теорией является индивидуальный диагноз, то есть клинически истолкованная проблемная ситуация именно данного пациента. Этот теоретический объект позволяет вывести в качестве следствия достижимую цель индивидуального врачевания и сформулировать вытекающие из нее задачи врачевания. Диагноз как воспринятая профессиональным сознанием врача предметность («состояние пациента») меняется в процессе врачевания пациента. Чтобы оставаться в прямом контакте с этой предметностью врач сопровождает этот процесс изменением представлений о состоянии пациента (сигнификаций) и интуитивной верификацией их по мере врачевания. В этом состоит суть древнего принципа непрерывного клинического наблюдения и размышления врача, который врачебная традиция связывает с именем Гиппократом. Постепенно болезненная предметность может полностью исчерпаться в процессе врачевания (полное выздоровление пациента) или исчерпаться частично (неполное выздоровление, наступление инвалидности, хронического течения болезни). В особо трудных случаях состояние пациента ухудшается, диагноз усугубляется. Необходимость в своевременной констатации этих изменений требует, чтобы интуиция врача всегда была готовой к их восприятию и принятию упреждающих мер. Значит, эффективность прагматического мышления врача зависит от рациональной организации *непрерывного* интуирования им индивидуальной эмпирической природы пациента.

Из вышесказанного ясно, что общую теорию клинической медицины невозможно развивать без адекватной концепции врачебной интуиции. Но и из самой гуссерлевской онтологии следует, что для каждой науки, имеющей свой регион исследуемого бытия, должна существовать и собственная структура интуитивного восприятия. Поэтому, на наш взгляд, у феноменологической концепции интуиции Гуссерля имеются все шансы на то, чтобы получить специфически региональное развитие в клинической медицине как практической науке.

Мы полагаем, что самые развитые медицинские технологии, включая медицинские нанотехнологии, не смогут не только устранить, но даже потеснить интуитивную технологию клинической медицины. Более того, именно такие технологии сделают, в конечном счете, совершенно очевидным неустранимую потребность медицины как науки врачевания в развитии врачебной интуиции. Так что, возможно, в ближайшие десятилетия мы увидим вовсе не ту трансформацию медицины, которую ожидают апологеты наномедицины, а ту, в которой сама применимость нанотехнологий будет ставиться в прямую зависимость от технологий интуитивного мышления врача. Возможно, мы станем тогда свидетелями не просто появления нанотехнологической и интуитивной медицины, но и мира, в котором интуиция и абстрактное мышление изменят сознание человека в целом, сделают его эффективным на порядок. Во всяком случае, есть все основания рассчитывать на это.

Итак, прагматическая философия при всем своем скепсисе в отношении картезианской концепции интуиции не может поколебать того факта, что в научном познании интуиции принадлежит роль, ничуть не менее значимая, чем роль логики, основанная на принципе «новое знание основывается на прежнем знании». Признание особой роли интуиции в практическом познании имеет важные следствия для рациональной классификации наук. Это позволяет дать четкое различие наук практических как сущностно отличающихся от наук теоретических и наук эмпирических. В основе такого сущностного различия лежит специфическое участие интуиции в познании предметностей региона практических наук – региона применения знаний. Ведь применение знаний отличается от простого понимания знания как информации о реальности. Применяемое знание меняет мир, самого человека. Она меняет доступность для человека ранее неизвестных сфер существования. Применение

знание есть путь к новому существованию и мира, и человека, и путь к новому их сосуществованию. Поэтому прагматическая философия на самом деле имеет предметом познания не тот же самый мир, который пыталась постичь классическая философия. Она обращена к третьему миру (если считать мир идей и мир природы самостоятельными мирами). Точнее к третьему региону реальности, который она фактически пытается осмыслить. Она исследует применяемый мир и применимость самого мира. И эта особенность прагматизма раскрывается в феноменологии. Точнее – в феноменологической концепции интуиции Гуссерля.

В идеях прагматической философии, преломленной в зеркале феноменологической философии, актуальный и возможный миры предстают как дополняющие друг друга компоненты единого мира. Такой мир мы могли бы назвать *целостным* миром, или миром *антропным*, в котором в качестве его осмысливающего органа укореняется субъект, познающий и мир, и себя.

Концепция интуиции Гуссерля позволила нам уточнить понятие «практическая наука». В практических науках применяются не просто теоретические и эмпирические знания, а и сами *единичные* эмпирические предметы. Применяемыми становятся и сами сущности (которые усматриваются сознанием и презентуются им в виде идеальных, теоретических, гипотетических сущностей). Ими наделяются единичные предметности, которые применяются благодаря этим сущностям. Применение эмпирических, единичных предметностей заключается главным образом в преобразовании и управлении самими эмпирическими предметностями. Исследуется их предметная единичность, взятая в потоке ее естественной трансформации или целенаправленных преобразований ради извлечения определенных выгод, что и придает особое значение в эпистемологии этих наук интуитивному познанию. Момент единичности предмета и его самоприменимость (применимость в целенаправленном преобразовании самой предметности) определяет специфику практических наук. Специфические различия между практическими науками определяются различиями людских интересов, которые они призваны удовлетворить, и целей, которые с их помощью мы можем достичь. Именно эти различия определяют и специфику предметности, с которой имеют дело различные практические науки. Особое место среди этих наук принадлежит медицине. Оно особо постольку, поскольку в медицине, как бы это ни звучало странно, *применяется индивидуальная природа человека*. И в ней же исследуется самоприменимость индивидуальной природы человека во имя сохранения, восстановления и развития его природного здоровья. Причем именно самоприменимость индивидуальной природы человека составляет основную суть проблем, решаемых медициной как практической наукой. Здесь вопрос о самоприменимости предмета исследования (пациента) становится абсолютной доминантой науки.

Итак, философия прагматизма и феноменология Э. Гуссерля раскрывают особую роль врачебной интуиции в эпистемологии медицины, что подтверждается и самой историей медицины как науки, непосредственно связанной со становлением эмпирической человеческой действительности. Для обеих философских систем характерна склонность к увязыванию динамики познания с сохранением и развитием перспектив человеческого мира.

Прагматизм видит суть метода познания в рациональном осмыслении потребностей человека, и в этих рамках он мыслит истинность научного знания. Прагматизм не проводит принципиальных различий между интуитивным познанием и познанием на основе известного знания и оставляет в стороне вопрос о том, как именно сознание осуществляет селекцию предмета осмысления. Роль фактора, детерминирующего направление селекции, берет на себя цель познания, определяемая потребностями человека, формируемыми в самой социальной среде. Но пирсовский отказ видеть в интуиции сущность, отличающуюся от познания на основе ранее известного знания, сам по себе свидетельствует об особом статусе интуиции в эпистемологии. Ведь такой отказ не снимает необходимости ссылок на посылки как знания, истинность которых в рамках конкретного акта познания *не должна* ставиться под сомнение. Что подвигает нас к тому, чтобы принимать *эти* посылки, а не *те*. Никакое

предварительное рассуждение не может охватить все воображимые и невообразимые варианты посылок, которые могут быть использованы в каждом конкретном акте познания. И поэтому прагматическая максима, о которой мы упоминали выше, является лишь наиболее удобным критерием селекции посылок, и в этом ее непреходящее значение для научной эпистемологии.

Теорию интуиции, видимо, нельзя выводить из какой-то общей теории, поскольку любая такая теория – будь то теория сознания или реальности – есть детище интуиции. Психология как эмпирическая наука не в состоянии построить общую теорию интуиции, поскольку сама базируется на интуициях определенного рода. Видимо, теория интуиции может быть только философской или органической частью философской системы. В этом смысле философия как бы парит над всеми науками, внимательно отслеживая все, что происходит при их участии в мире, очеловечиваемом ими посредством *человеческой интуиции*. И в этом парение обнаруживается деликатное свойство философии, которая, не осмеливаясь прямо вмешиваться в процессы познания науками отдельных регионов реальности, тем не менее, заставляет профессионалов, занятых в них, философски сомневаться в пределах осмысливаемой региональной реальности. Роль философии как фактора, оживляющего профессиональную интуицию, переоценить невозможно.

Феноменология является одной из ведущих направлений современной философии, которую отличает глубокое понимание сущности интуиции. И это понимание позволяет нам организовывать наше сознание для достижения практических целей. Феноменология видит цель познания в адекватном интуировании реальности посредством усмотрения чистых сущностей и их селективного конституирования в интересусубъективной среде. В интуитивных актах с ее точки зрения сознание только и может контролировать свою интенциональность, то есть сами способы отличения сознанием себя от сознаваемой реальности. Лишь в пространстве их различения интуиция может совершать прямое усмотрение сущностей и фиксацию их смыслового восприятия. Тем самым интуиция прямо удостоверяет соответствие предметных смыслов *текущей* реальности, регулирует естественный отбор смысловых восприятий текущих предметностей (результатов сигнификации усматриваемых сущностей).

Согласно Гуссерлю, интуиция усматривает сущности и схватывает их усмотрением адекватных смыслов. Так интуиция регулирует естественный отбор предметных сущностей и смыслов, в которых они схватываются, регулирует соответствие смыслов познаваемой реальности. Сущности обладают одним общим свойством – существованием, способностью быть данным сознанию, осмысливаться им как предметность. Схватывание смыслов фиксирует отношение предметности между сознанием и реальностью постольку, поскольку за этим отношением стоят сущности, схватываемые в определенных смыслах. Сигнификативная составляющая сознательного акт является актом схватывания смысла, которым предметная сущность наполняется, становясь определенностью. Интуитивная составляющая удостоверяет полноту схватывания смыслом сущности прямым усмотрением последней. Адекватность познания объекта контролируется интуицией как соответствие смыслов сущностям того региона реальности, который познается данной сферой науки и к которым сводится природная сущность его объектов.

Выше мы показали возможность различения трех типов научного мышления по специфике той роли, какую в них играет интуиция и соответственно три основных класса современных наук - *теоретических, эмпирических и практических*. В первых двух науках действует примат региональных сущностей над единичными сущностями. Единичные сущности рассматриваются в них как примеры региональных сущностей. Иное происходит в практических науках, где действует примат единичных сущностей над сущностями общими, региональными. Что это значит? Это означает, что в практических науках региональная сущность в каждой отдельной предметности наполняется специфическим для нее образом, приобретая смысл конкретной эмпирической предметности. Практическая наука не может ограничиваться пониманием эмпирической предметности как логического следствия

региональных сущностей. Поэтому каждая эмпирическая предметность с точки зрения практических наук является не примером, а носителем уникальной сущности наряду с сущностями региональными. Именно эту уникальную сущность и стремится диагностировать профессионал, представляющий практическую науку. Свойства отдельной предметности рассматриваются как вытекающие и из региональных, и из уникальных сущностей, которые в ней усматриваются. Поэтому роль интуиции здесь двойственна: с одной стороны она должна верифицировать предметность как пример, выражающий региональные сущности, а с другой – как уникальную предметность, носитель уникальных сущностей.

Методы классификации предметностей, которыми пользуются профессионалы практических наук, направлены на выявление сущностей, которые причисляются к заведомо определенной таксономической группе. Классификации болезней, например, строятся по тем же принципам, по которым построена биологическая систематика. Биология же равнодушна к уникальности организма. Но как только биология переходит к исследованию поведения животных, она обнаруживает уникальность даже у насекомого в составе колонии, не говоря уже о представителях отдельного стада высших животных. Но она предпочитает рассматривать уникальность особи из данного стада как функцию стада, популяции как целостной системы. В этом смысле, скажем, Международная классификация болезней (МКБ-10) неполна. Полнота ее стихийно реализуется в самой практике врачевания. Реализуется настолько, насколько позволяет интуиция врачей, дополняя диагноз конкретного пациента до уникальной сущности, воплощенной в индивидуальной природе пациента. Этот факт трудно отрицать. Мы думаем, что сама история медицины свидетельствует о том, что отрицать его невозможно, и это подтверждается постоянным реанимированием в той или иной форме древнего противостояния между так называемыми школами эмпирической и рационалистической медицины. Но это лишь обязывает нас внимательно отнестись к теме врачебной интуиции как фундаментальной философской и психологической теме медицины как науки. Теме, от разработанности которой во многом зависит будущее медицины как практической науки.

Мы отметили выше, что в *практических науках* сигнификация осуществляется на основе рефлексий относительно теоретических знаний и эмпирических данных, полученных ранее в решающих экспериментах и доказательной статистикой. Удостоверение же осуществляется интуированием сущности *отдельного случая практики* - проблемной ситуации, и применением логики. Основным объектом интуирования в практических науках становится именно сущность отдельной предметности, рассматриваемая как конкретная проблемная ситуация. В практических науках мы действуем индуктивно. Здесь все переворачивается вверх ногами: весь опыт теоретических и эмпирических наук становится лишь набором знаний и примеров, отражающих различные аспекты конкретной предметной сущности. Это тот самый случай, когда нас интересует богатство конкретной эмпирической сущности, а не обедненная сущность абстрактного общего. Мы создаем смысл единичной сущности, отличающейся от общей, региональной сущности. Более того, этот синтез, если он оправдывается прямым интуированием единичного предмета и достижением практической цели, сам становится основанием для модификации смыслового восприятия региональной сущности. Мысль профессионала движется от сигнификации общих сущностей к синтезу единичной сущности из сигнификации дат единичной предметности. Эти даты в рамках единичной сущности приобретают новые смысловые оттенки, которых они не имели в региональном знании. Интуиция осуществляет селекцию индуктивных очевидностей относительно единичной сущности предмета в прямом удостоверении ее различий от известной региональной сущности предмета. В результате практические науки обогащают региональные знания индуктивным путем, что и определяет одну из главных специфик эпистемологии практических наук.

Но как в действительности работает современный врач? Он, как правило, исходит из допущения, что существует множество стандартных состояний организма человека, которые

могут быть описаны и определены как его возможные заболевания. Например, МКБ-10 выражает множество стандартных состояний, определенных объективными научными исследованиями, из которых один или набор нескольких состояний могут соответствовать состоянию конкретного пациента. Задача врача при этом состоит в том, чтобы, опираясь на данные клинических наблюдений и исследований, определить, какой элемент или набор элементов этого множества стандартных состояний идентичен состоянию конкретного пациента. Тогда врачу остается подобрать соответствующий стандарт лечения, разработанный и объективно обоснованный наукой. С точки зрения современного врача установить диагноз пациента – значит отнести состояние его здоровья к определенной совокупности состояний индивидуальных человеческих природ, то есть к определенному региону (состояний). Это поведение врача в точности соответствует медицинскому эмпиризму.

Но региональные сущности, описанные в МКБ-10 и обнаруженные (усмотренные) врачом у отдельного пациента, в существенной степени погружены в *нечеткую среду* – в уникальную природу организма. Они составляют феноменологию, являющуюся лишь видимой, надводной частью «айсберга» - реального состояния пациента. Поэтому врач-рационалист справедливо полагает, что он имеет дело с индивидуальной неповторимой природой пациента. Поэтому он не может не выдвигать гипотез и теорий в отношении состояния отдельного пациента как уникальной сущности, используя для предварительного ориентирования теоретический и эмпирический опыт клинической медицины, который выражает, в частности, МКБ-10. Но и в этом случае современный врач исходит из допущения, что существующие медицинские теории позволяют с общих позиций описать стандартный набор заболеваний, перечисленных в МКБ-10, и принципы их врачевания.

Гален полагал, что рационалисты и эмпирики напрасно спорят между собой, поскольку они достигают одной и той же цели, хотя объясняют свои действия по-разному (см. Marquardt J. e.a., 1893). Поэтому классических сторонников эмпиризма или рационализма в среде врачей найти трудно. Этот факт каждая сторона легко объясняет и оценивает как подтверждение собственной правоты. Но дело, как выше мы видели, не только в объяснении, а в самой сути клинического исследования. Оно не может быть сугубо теоретическим, и обязательно основано на обследовании пациента. Однако предмет спора на самом деле весьма существенный, и не сводится только к различению двух методов. Эмпирики исходят из того, что нужно максимально опереться на опыт медицины, чтобы предельно снизить вероятность врачебных ошибок в конкретном клиническом случае. Но в таком случае они превращают каждый клинический случай в слепой эксперимент. Конечно, опытный представитель эмпирической линии может использовать опыт медицины и собственный опыт с наибольшим искусством (это всегда означает одно: «искусно опираясь на свою профессиональную интуицию»). Но он не гарантирован от ошибок. А опыт врач набирает годами, тогда как с пациентами он встречается ежедневно. Стремясь оградить себя от ошибок, любой врач предварительно рассуждает относительно индивидуальной природы пациента. Только так он может принять максимально адекватное решение относительно сущности его состояния - диагноза. Рассуждая же, он опирается, прежде всего, на интуицию, перебирающую опыт сигнификаций прошлого опыта (то есть – теоретизирует относительно опыта). Ибо весь опыт медицины и его собственный опыт есть опыт верифицированных сигнификаций. Опыт прошлых интуиций. Сам диагноз, который он верифицирует, устанавливается им с ориентировкой на МКБ-10 как обобщенный опыт верифицированных сигнификаций. Индивидуальный диагноз есть индивидуальный вариант сигнификации, который не может быть полностью идентичен региональным сущностям, описанным в МКБ-10. Более того, в процессе врачевания индивидуальная сигнификация неоднократно обновляется, и каждое новое состояние одного и того же пациента верифицируется прямыми наблюдениями, то есть - интуициями. Любое врачевание с самого начала и до своего завершения подразумевает непрерывный процесс рационального теоретизирования (сигнификации) относительно индивидуального состояния пациента и постоянное

удостоверение в адекватности этого теоретизирования путем прямых эмпирических наблюдений его состояния в динамике. Как еще рационалисты могут удостовериться в адекватности теории конкретного клинического случая, если не применением прямого интуирования эмпирических дат конкретного случая и сопоставлением их со стандартами, отобранными прежним теоретическим и эмпирическим опытом науки? Ведь только так врач может конституировать текущую индивидуальную сущность состояния здоровья пациента – его полный индивидуальный и непрерывно меняющийся диагноз.

Уникальный диагноз включает и региональные сущности, и сущности, конституирующие уникальную природу состояния пациента. Еще Гиппократ учил, что природы людей различны. (Гиппократ, соч., т.1, О древней медицине, п.20). Он пришел к этому фундаментальному выводу, благодаря мощной интуиции. И теперь, благодаря теории интуиции Гуссерля, мы можем по-новому осмыслить эту древнюю формулу медицины.

Сама прагматическая суть медицины на протяжении всей ее истории подтверждает как незыблемую истину факт примата индивидуальной природы каждого пациента. Именно проблемой индивидуальной природы пациента является его болезнь, и эту проблему невозможно адекватно сформулировать иначе как на языке прагматической философии. Вместе с тем необходимость решения данной проблемы придает особое значение интуиции как методу рационального познания. Из концепции Гуссерля следует, что интуиция сопровождает любой сигнификативный акт: каждой сигнификации – свой акт интуиции. Причем сопровождение это в разных науках различно: каждый регион требует своего способа осмысления предметных сущностей.

В практической жизни непрерывное сопровождение сигнификативных актов актами интуитивными тотально, мы этого не замечаем и не придаем этому должного значения. Но в этом факте проявляется сама сущности прагматического мышления. В медицине данный факт осознается на всем протяжении работы врача с конкретным пациентом и обусловлен приматом индивидуальной природы пациента в этой науке. Каждый клинический случай представляет собой уникальную проблему и решение его неизбежно уникально, и именно поэтому оно требует непрерывного осмысления врачом состояния пациента и интуитивного сопровождения его становления на всем протяжении врачевания. Это - факт, который не станет отрицать, наверное, ни один врач. Но тем более парадоксально, что он не стал предметом серьезного научного осмысления в самой медицине. Не стал, видимо, потому, что интуицию врачи считают объектом психологической науки, а не философии медицины. Врач привык к интуитивному мышлению, как привыкают к нему в обыденности. Эта привычка – результат стихийного оформления профессиональной врачебной среды. Интуиция, будучи обязательной компонентой всякого рационального мышления, работает в клинической медицине также стихийно, как и в обыденной жизни; вместо оперирования парами «интуиция-сигнификация» сознание врача оперирует лишь сигнификативными сущностями, накопленными длительным опытом медицинской науки. Но и представить себе сопровождение меняющейся уникальной природы пациента без контроля интуицией невозможно: врач «пошагово» фиксирует смену индивидуального диагноза в процессе и вследствие врачевания.

Медицина как практическая наука основана на интуировании жизненной потребности конкретного человека (пациента), осмысливаемой в процессе познания его индивидуального здоровья как отдельной сущности. Научное понимание сущности здоровья и болезни развивается не только по мере исторического изменения смыслов, составляющих содержание теоретических (натурфилософских) рефлексий здоровья и болезни. Более того, это понимание развивается не только путем подтверждения смыслов эмпирическими решающими экспериментами. (Само понятие решающих экспериментов впервые было систематически осмыслено Галеном; ему принадлежит трактовка медицины как науки, основанной на решающих экспериментах). Ныне большую роль в медицинских исследованиях играет статистический анализ и моделирование рабочих гипотез. Но эти исследования дают нам представления только относительно региональных сущностей в

биологическом их понимании. Понимание же индивидуально сущности здоровья развивается путем удостоверения адекватности (соответствия) этого понимания прямым предметным наблюдением врача в процессе разрешения им проблемной ситуации конкретного пациента. Иными словами, *сигнификация сущностей здоровья и болезни в медицине (то есть их теоретическое восприятие) конституируется на основе дат теоретических (натурфилософских) суждений и статистически контролируемых экспериментов и наблюдений.* Результаты этой сигнификации предстают в виде диагностических стандартов, предусмотренных, например, МКБ-10. Эти стандарты используются как грубая исходная модель - каркас для построения теоретической модели единичного клинического случая. Но бывает и так, что для больного приходится искать каркас, которого нет ни в каких справочниках и стандартах. Отталкиваясь от исходной (стандартной) модели, врач устанавливает единичную модель клинического случая в процессе непрерывного диагностического интуирования, удостоверяющего различия и соответствия между стандартом и реальным состоянием пациента. Моменты отличия от стандартов становятся поводом для теоретического (индуктивного) уточнения единичной сущности реального состояния конкретного пациента - диагноза.

То есть весь эмпирико-теоретический опыт медицины, выраженный в стандартах, рассматривается как сигнификативный фон, на котором интуиция врача, направляющая его исследовательский ум, позволяет на основании прямых наблюдений конституировать теоретическое представление о сущности единичного клинического случая. Познается именно конкретный клинический случай, сигнификация должна быть доведена до соответствия ее сущности конкретного клинического случая, до установления его индивидуальной природы. Этой уникальной сущностью и является полный клинический диагноз, в котором как бы воплощается сама проблемная ситуация конкретного пациента. В медицине как практической науке удержание адекватного понимания состояния пациента в виде отслеживания текущего клинического диагноза в течение всего процесса врачевания больного осуществляется относительно индивидуальной природы пациента. Сигнификация начинается с установления принадлежности пациента к классу состояний. Так создается сигнификативный фон, предварительно оттеняющий природу индивидуального состояния пациента. Для этого используются общие представления о сущности болезней как объектов медицинской науки и данные клинического исследования пациента. Многие врачи считают, что их дело – установить принадлежность пациента к определенному классу состояний организма человека, чтобы адекватно применить к нему определенный класс методов врачевания. Но в действительности врач с помощью интуиции удостоверяет состояния пациента (диагноз) не просто как пример сигнификации класса, то есть не как пример некоторой региональной сущности (диагноз из МКБ-10), а как уникальную, как единичную сущность. Он опирается при этом и на предусмотренные медицинскими стандартами сигнификации (например, на сигнификативный фон в виде МКБ-10), и на прямое усмотрение уникальных сущностей в самом конкретном клиническом случае. В своих действиях он исходит из установленного таким образом понимания состояния пациента как единичной сущности.

На всем протяжении врачевания идентичность пациента не ставится под сомнение при всем том, что эта идентичность текуча. Наполеон при Ватерлоо, при Аустерлице и на о. св. Елены (если его идентичность мыслить в хронологическом порядке) не является одной и той же *эмпирической* личностью, поскольку в эти моменты жизни он имел разный опыт. Вот также и идентичность индивидуальной природы пациент изменяется, приобретая новый опыт становления. Поэтому врач выносит окончательный диагноз относительно каждого клинического случая, с которым он имел дело, только после завершения его врачевания. Но, тем не менее, в течение всего времени врачевания он мыслит, подразумевает своего пациента, его индивидуальную природу как одну и ту же предметность. Ибо иначе он и не может *его* мыслить, а оказывается в гераклитовом потоке *сплошной* предметности пациента. Он мыслит болезнь относительно индивидуальной природы пациента, и врачует относительно нее,

стремясь исчерпать из этой природы все те моменты, которые и делают ее природой больного человека. Именно поэтому врачи, как правило, интуитивно всегда чувствуют, что нет средства *против болезни*, но существуют средства, способствующие выздоровлению больного. И лишь в присущей им, как и всем людям, наивной установке, а чаще – подыгрывая наивной установке самого пациента, он говорит ему что-нибудь вроде «я выпишу вам средство от головной боли».

Уникальной сущностью наделен каждый клинический случай постольку, поскольку уникальная каждая индивидуальная природа человека. И регионом медицины как практической науки является именно индивидуальная природа пациента – в состоянии здоровья и болезни. Поэтому интуитивная загруженность медицины оказывается не только неизбежной, но неустранимой. Это следует из самой сути региона реальности, который медицина исследует: Поэтому именно интуиция врача, в конечном счете, и оказывается основным двигателем прогресса рационально-теоретического и эмпирического методов в медицине. Прогресс, достигнутый в каждом отдельном клиническом случае, возвращается в практику врачевания в виде уточнения стандартов сигнификации – медицинского знания. Даже если опытный врач и не опубликует своих наблюдений, он поделится им с кем-то из коллег и использует это наблюдение в дальнейшем. Практические врачи каждой страны являются уникальными носителями уникальных опытов, и не все, что есть в опыте, выносятся в профессиональную среду в виде стандартных знаний. Поэтому основная задача медицины как практической науки заключается в том, чтобы эти уникальные опыты содержали в себе меньше врачебных ошибок. В успехе решении этой задачи роль интуитивного мышления значима не меньше, чем сигнификативного, если не больше.

В процессе врачевания каждого клинического случая любой сигнификативный стандарт уточняется непрерывно работающей интуицией врача. Двойственный процесс, включающий сигнификативный и удостоверяющий интуитивный компонент, продолжается в течение всего процесса врачевания каждого пациента. Этот факт стал сознаваться врачами, видимо, еще во времена Гиппократов, который, как принято считать среди врачей, и ввел в клиническую медицину принцип непрерывного клинического наблюдения. Это был шаг, который навсегда зафиксировал прагматический характер медицинской науки. То есть прагматизм Гиппократов, видимо, включал в себя элементы интуитивизма, сходные с интуитивизмом Гуссерля. И это сходство демонстрирует нам, насколько важно попытаться рационально организовать интуитивную деятельность врача.

Между тем современные вузы и различные научные клинические школы пытаются организовать мышление врача только путем погружения его в область, как им кажется, надежных, а потому - стандартных знаний (сигнификаций). Знания принято давать студентам и врачам в готовом виде, в виде чистой сигнификации, готовой к употреблению. Интуиция же продолжает жить своей стихийной жизнью. Большинство врачей не имеют представлений об интуиции как рациональном методе мышления, хотя опытные врачи пользуются ею очень успешно. Так почему же интуиция участвует в процессе врачевания исключительно стихийно? Полагаем, что главная причина такого положения дел – слабое внимание к философии медицины в вузах, она не занимает подобающего места в процессе получения медицинского образования. Сам профессорско-преподавательский состав медицинских вузов исключительно сосредоточен на сигнификативной стороне врачебного мышления. Упомянутые выше тезисы Галена («хороший врач является еще и философом») и Гиппократов («врач-философ подобен богу» – метафора, имеющая тот же смысл, что тезис Галена) могли бы стать реальным руководством к действию, если не только сигнификативное мышление, но и интуиция станут предметом образования врачей. В этом случае станут реальностью и представления Авиценны о том, что теоретическая и практическая медицина являются частями единой науки врачевания.

Разумеется, целенаправленная практика развития интуитивного мышления врачей не может быть простым делом. Но игра стоит свеч. У нас есть отличный прагматический критерий – успешная практическая работа врача, который сам может почувствовать выгоды

от своей интуиции. Ведь интуиция главным образом учит рациональному сомнению в познании, она учит нас отделять очевидность от не вполне очевидного или сомнительного, а вовсе не заменяет сигнификативного составляющего познания. Она его лишь контролирует. Более того, без сигнификативного составляющего мышления интуиция не может обойтись, становится ненужной. Но и акцент на чисто сигнификативное познание без осознанного контроля интуицией легко перерождается в хаотическое познание. Организация интуитивной деятельности сознания представляет собой проблему прагматического плана.

Заключение

Итак, наше беглое рассмотрение эпистемологии клинической медицины с позиций философского прагматизма и феноменологии Гуссерля выявляет особую роль врачебной интуиции в познании ее основного объекта. Прагматизм редуцирует сущность познания к пониманию интересов человека. Он утверждает в качестве критерия истины *применимость* знания в достижении практических целей. Феноменология редуцирует сущность познания к интуиции предметной сущности познаваемого объекта: в смыслах сознание схватывает свое предметное отношение к вещам. Мы применяем не предметы, а смыслы, посредством которых сознание овладевает вещами, предметно контролирует их. В соответствии с интуитивизмом Гуссерля ставшее традиционным различие *эмпирических* и *теоретических наук* следует из примата сигнификативного аспекта мышления в современной науке. Эмпирические науки теоретизируют предметы материального мира, теоретические - идеальные предметы; сами идеи основываются на опыте теоретического восприятия реального мира. В теоретических и эмпирических науках исследуются предметные сущности определенного региона, а каждый предмет предстает как пример носителя региональных сущностей. Сущность отдельного предмета не составляет основной цели познания в современной науке. Примеры же рассматриваются как характеризующие основные региональные сущности, исследуемые теоретическими и эмпирическими науками. Познание предстает как чисто сигнификативная деятельность сознания, направленная на постижение региональных сущностей: мы на региональном уровне различаем теоретические объекты теоретических наук и теоретизируемые реальные объекты эмпирических наук. Интуиция, контролирующая теоретизирующее сознание с тем чтобы регулировать конкретные предметные отношения субъекта с реальным миром, не берется во внимание. Поэтому и практическая жизнь (где эта регуляция и необходима разуму) все еще не стала объектом науки, специфическим регионом бытия. Мы относимся к нашей обыденной практической жизни так, словно она есть часть природы, для постижения которой достаточно и теоретических и эмпирических наук в их традиционном понимании. На их основе мы разрабатываем технологии, которые остается только применять. Но в том-то и дело, что применение знаний оказывается в практической жизни особой характеристикой самого практического познания, которое невозможно без определяющей роли интуиции. Не учитывая этого факта, мы погружаем нашу практическую жизнь в *стихийно-практическую* интуитивную деятельность сознания. Соответственно и социальные науки все еще далеки от того состояния, когда их можно было бы считать полноценными науками.

Но когда целью познания становится управление единичным объектом, то становится очевидной и определяющей роль интуиции в конституировании предметных единичных сущностей. *Практическими* можно назвать науки, изучающие уникальные предметности (в частности, гуманитарные науки). В отличие от традиционных теоретических и эмпирических наук ведущую роль в них играет интуитивное познание. Поэтому различие сигнификативных и интуитивных актов в интуитивизме Гуссерля мы рассматриваем как важнейший эпистемологический принцип современного прагматизма.

Основной предмет медицины как практической науки – индивидуальная эмпирическая природа пациента, осмысливаемая врачом в прямом контакте с пациентом. При этом

природа здоровья проецируется фактически на все регионы реальности. Вместе с тем, помогая пациенту, врач применяет не только знания, добытые различными науками, но и саму индивидуальную природу пациента, исследует ее само-применимость. Посредством непрерывного интуирования врач контролирует адекватное смысловое восприятие индивидуальной природы пациента в течение всего процесса его врачевания. Врачевание адекватно завершается по мере исчерпания интуицией врача болезненных сущностей в природе пациента.

Однако интуиция как метод мышления плохо сознается, понимается. Она действует в современной медицине (и других науках) стихийно, не изучается в качестве средства контроля адекватности применяемых врачом эмпирических и рационалистских методов познания. Это значит, что как практическая наука медицина все еще не состоялась, точнее – развивается в качестве таковой стихийно. Овладение интуицией как полноценным методом познания сулит невиданные прежде возможности практического человеческого развития. И в медицине, где опыт применения профессиональной интуиции, пожалуй, наиболее богат, можно ожидать мощных прорывов с совершенно неожиданной стороны. Мы имеем виду, что именно человеческий фактор (фактор врача) может оказаться (мы сами в этом абсолютно уверены) гораздо более значимым в совершенствовании здравоохранения, чем все те технологии, которые в странном азарте разрабатывает современный медицинский мир. Между тем более разумным было бы затратить часть ресурсов, идущих на развитие, например, фармацевтических исследований, на то, чтобы совершенствовать само врачебное мышление как главный инструмент медицины. В этом отношении, на наш взгляд, философствующим врачам – совместно с медицинским и философским сообществом – особенно важно серьезно осмыслить проблемы медицинского интуитивизма. Мы полагаем, что сейчас возможен качественно новый прорыв в сфере медицинского образования. Для этого было бы достаточно преподавать медицинский интуитивизм как самостоятельный предмет в медицинских вузах и на курсах постдипломного образования. Но проблема сейчас в том, чтобы определиться с этим предметом, для чего достаточно доброй воли самого врачебного сообщества. Пришло время медицины, понимаемой как наука и теоретическая, и эмпирическая, и практическая одновременно, и теперь особенно актуальным становится тезис Галена: хороший врач еще и философ. Ренессанс, переживаемый современной философией, в частности – прагматизмом и феноменологией, является весьма благоприятным для развития такой медицины фоном.

Литература

- (Aristotle) Аристотель. Соч. в четырех томах, т.1. М., 1975, с.141.
- (Avicenna) Ибн Сина. «Канон врачебной науки», т.1, Часть первая. Отдел первый. Параграфы первый и второй – 2-е изд. - Ташкент – Изд-во «Фан». - 1981 - С.5-8.
- (Dewey J.) Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления / Пер. с англ. Н.М. Никольской. - М.: Совершенство, 1997.— 208 с.
- (Galen C.) Гален, Клавдий. О том, что лучший врач — ещё и философ. / Пер. Балалыкин Д. А., Щеглов А. П., Шок Н.П. Гален: врач и философ// Академиздатцентр Наука РАН. М.,— 2014 - с. 406
- (H. Höffding) Гёффдинг Х. Психологическая основа логических рассуждений: пер. с нем. С. Лопашева - изд. 2-е – М.: Изд-во ЛКИ, 2007 – 96с.
- (Hippocrates) Гиппократ. Сочинения в 3-х томах. – пер. с греческого В.И. Руднева. – М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы. – 1936-1944.
- (Husserl E.) Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А.В. Михайлова; Вступ. ст. В.А. Куренного. — М.: Академический Проект, 2009. — 489с.
- (Husserl E.) Гуссерль Э. Картезианские размышления - Cartesianische meditationen / Пер. с нем. Д. В. Складнева. - СПб. : Наука : Ювента, 1998. - 315 с., ISBN 5-02-026783-X

(Husserl E.) Гуссерль Э. Логические исследования. Т.1: Прологомены к чистой логике/ Пер. с нем. Э.А. Бернштейн под ред. С.Л. Франка. Новая редакция Р.А. Громова. — М.: Академический Проект, 2011. — 253 с. ISBN 978-5-8291-1298-1

(Husserl E.) Гуссерль Э. Логические исследования. Т.II, Ч.1: Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В.И. Молчанова. — М.: Академический Проект, 2011. — 565 с. ISBN 978-5-8291-1215-8

(James W.). Джемс У. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. Библиотека современной философии. - СПб – Изд. «Циповник». – 2010 – 244с.

Descartes Rene. Rules for direction of the mind. In John Cottingham, Robert Stoothoff, and Dugald Murdoch, editors, The philosophical writings of Descartes, volume 2. Cambridge University Press Cambridge, 1985.

Dewey J. Essays in Experimental Logic. Chicago, 1916.

Giorgi A. The Descriptive Phenomenological Psychological Method // Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design. Ed. by Camic P.M. et al. Washington, DC, 2003. - P.243-273.

Husserl E. (1939) The Encyclopedia Britannica, 14-th edition., 17.(p.699-703).

Janicek, M., Hitchcock, D. L. (2004). *Evid-ence-based practice: Logic and critical thinking in medicine*. Chicago, IL: American Medical Association Press.

Lee K. (2012). *The philosophical foundations of modern medicine*. Hampshire: Palgrave Macmillan.

Levinas E. Theorie de l'intuition dans la phénoménologie de Husserl. P., Librairie philosophique J. - Vrin, 1963.

Marcum, J. A. (2008). An introductory philosophy of medicine: Humanizing modern medicine. Springer Science.

Marcum, J. A. (2012). Philosophy of medicine. <http://www.iep.utm.edu/medicine/>

Marquardt J., Müller I., Helmreich G. (eds.) De sectis ad eos qui introducuntur, Claudii Galeni Pergameni scripta minora. - V.3. - Leipzig: Teubner, 1893 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1967).

Mead G.H. The Philosophy of the Act. Chicago, 1938

Montgomery, K. (2006). How doctors think: Clinical judgment and the practice of medicine. New York: Oxford University Press.

Peirce C.S. Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vols. 1-8. Cambridge MA, 1931-1958.

Peirce C.S. Collected Papers. Ed. by C. Hartshorne and P. Weiss; ed. by Arthur W. Burks. Vol. 1-8. Cambridge - Mass., The Belknap Press of Harvard University Press 1965-1967.

Quine W.V.O. Ontological Relativity // The Journal of Philosophy. 1968. Vol. LXV, № 7. P. 185-212.

Quine, W.V.O. From a Logical Point of View. Cambridge, Mass.: Harvard, 1953.

Rose N. (2007) The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. p.372. ISBN 0-691-12191-5

Sartre J.-P. Situations I. Paris, 1947, p.31-35.

Scheuermann R.H., Ceusters W., Smith B. Toward an Ontological Treatment of Disease and Diagnosis From: *Proceedings of the 2009 AMIA Summit on Translational Bioinformatics*, San Francisco, CA, 2009. p 116-120.

Schiller F.C.S. Studies in Humanism. London, 1930

Shryock R.H. Empiricism versus rationalism in American medicine 1650-1950.//Worcester, Mass.: American Antiquarian Society, Proceedings., [v.79]., - May, 1969. P.99-150.

Simon H.A. Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T. Ely Lecture // American Economic Review, May 1978, v.68, no.2, p.1-16.

Spinelli E. The phenomenological method and client-centred therapy // Existential challenges to psychotherapeutic theory and practice / Ed. by H.W.Cohn, S.Du Plock. London: The society for existential analysis, 1995.

Tosam M.J. The Role of Philosophy in Modern Medicine // Open Journal of Philosophy.- 2014. V.4, N1, P.75-84. Published Online February 2014 in SciRes (<http://www.scirp.org/journal/ojpp>), <http://dx.doi.org/10.4236/ojpp.2014.41011>

Universal Declaration on Bioethics and Human Rights - Adopted by acclamation on 19 October 2005 by the 33 rd session of the General Conference of UNESCO - (brochure of Division of Ethics of Science and Technology Social and Human Science Sector 1, Paris France - www.unesco.org/shs/ethics - SHS/EST/BIO/06/1 - UNESCO, 2006; Foreword Koïchiro Matsuura) - (<http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001461/146180r.pdf>)

Башляр Г. Доклад на заседании Французского философского общества, суббота 25 марта 1950 года. См.: Bulletin de la Societe française de Philosophie, seance du samedi 25 mars 1950. Paris: Librairie Armand Colin, 1950. — *Перев.*

Дильман В.М. Четыре модели медицины - Л.: Медицина, 1987.- 288с.

Карпов В.П. Гиппократ и Гиппократов сборник (вступительная статья): Гиппократ. Сочинения, Т.1. - перевод с греческого В.И. Руднева. – Государственное издательство биологической и медицинской литературы. - 1936, С.9-81.

Кутлумуратов А.Б. (1997). Бекчан А. Физическое тело человека (или непрочитанные лекции о полноте человеческой природы) - Ташкент: изд-во им. Абу Али ибн-Сино. - 1997.- 312с.

Молчанов В. Аналитическая феноменология в “Логических исследованиях” Эдмунда Гуссерля (В кн.: Гуссерль Э. Логические исследования. Т.II. Ч.1: Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В.И. Молчанова. — М.: Академический Проект, 2011. - 565с.) – С.462-557.

Платон. Соч. в трех томах, т.1. М., 1968, с.417.

Reference

(Aristotle) Aristotel. Soch. v chetyireh tomah, t.1. М., 1975.

(Avicenna) Ibn Sina. «Kanon vrachebnoy nauki», t.1, Chast pervaya. Otdel pervyy. Paragrafyi pervyy i vtoroy – 2-e izd. - Tashkent – Izd-vo «Fan». - 1981 - S.5-8.

(Dewey J.) Dyui Dzh. Psihologiya i pedagogika myishleniya / Per. s angl. N.M. Nikolskoy. - М.: Sovershenstvo, 1997.— 208 s.

(Galen C.) Galen, Klavdiy. O tom, chto luchshiy vrach — eschYo i filosof. / Per. Balalyikin D. A., Scheglov A. P., Shok N.P. Galen: vrach i filosof// Akademizdatsentr Nauka RAN. М.,— 2014 - s. 406

(H. Höffding) Gyoffding H. Psihologicheskaya osnova logicheskikh rassuzhdeniy: per. s nem. S. Lopasheva - izd. 2-e – М.: Izd-vo LKI, 2007 – 96s.

(Hippocrates) Gippokrat. Sochineniya v 3-h tomah. – per. s grecheskogo V.I. Rudneva. – М.: Gosudarstvennoe izdatelstvo biologicheskoy i meditsinskoy literaturyi. – 1936-1944.

(Husserl E.) Gusserl E. Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya / Per. s nem. A.V. Mihaylova; Vstup. st. V.A. Kurenogo. — М.: Akademicheskij Proekt, 2009. — 489s.

(Husserl E.) Gusserl E. Kartzianskie razmyishleniya - Cartesianische meditationen / Per. s nem. D. V. Sklyadneva. - SPb. : Nauka : Yuventa, 1998. - 315 s., ISBN 5-02-026783-X

(Husserl E.) Gusserl E. Logicheskie issledovaniya. T.I: Prolegomenyi k chistoy logike/ Per. s nem. E.A. Bernshteyn pod red. S.L. Franka. Novaya redaktsiya R.A. Gromova. — М.: Akademicheskij Proekt, 2011. — 253 s. ISBN 978-5-8291-1298-1

(Husserl E.) Gusserl E. Logicheskie issledovaniya. T.II., Ch.1: Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya / Per. s nem. V.I. Molchanova. — М.: Akademicheskij Proekt, 2011. — 565 s. ISBN 978-5-8291-1215-8

(James W.). Dzhejms U. Pragmatizm. Novoe nazvanie dlya nekotoryih staryih metodov myishleniya. Biblioteka sovremennoy filosofii. - SPb – Izd. «Schipovnik». – 2010 – 244s.

Descartes Rene. Rules for direction of the mind. In John Cottingham, Robert Stoothoff, and Dugald Murdoch, editors, *The philosophical writings of Descartes*, volume 2. Cambridge University Press Cambridge, 1985.

Dewey J. *Essays in Experimental Logic*. Chicago, 1916.

Giorgi A. *The Descriptive Phenomenological Psychological Method // Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design*. Ed. by Camic P.M. et al. Washington, DC, 2003. - P.243-273.

Husserl E. (1939) *The Encyclopedia Britannica*, 14-th edition., 17.(p.699-703).

Janicek M., Hitchcock D.L. (2004). *Evid-ence-based practice: Logic and critical thinking in medicine*. Chicago, IL: American Medical Association Press.

Lee K. (2012). *The philosophical foundations of modern medicine*. Hampshire: Palgrave Macmillan.

Levinas E. *Theorie de l'intuition dans la phénoménologie de Husserl*. P., Librairie philosophique J. - Vrin, 1963.

Marcum, J.A. (2008). *An introductory philosophy of medicine: Humanizing modern medicine*. Springer Science.

Marcum, J.A. (2012). *Philosophy of medicine*. <http://www.iep.utm.edu/medicine/>

Marquardt J., Müller I., Helmreich G. (eds.) *De sectis ad eos qui introducuntur, Claudii Galeni Pergameni scripta minora*. - V.3. - Leipzig: Teubner, 1893 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1967).

Mead G.H. *The Philosophy of the Act*. Chicago, 1938

Montgomery, K. (2006). *How doctors think: Clinical judgment and the practice of medicine*. New York: Oxford University Press.

Peirce C.S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Vols. 1-8. Cambridge MA, 1931-1958.

Peirce C.S. *Collected Papers*. Ed. by C. Hartshorne and P. Weiss; ed. by Arthur W. Burks. Vol. 1-8. Cambridge - Mass., The Belknap Press of Harvard University Press 1965-1967.

Quine W.V.O. *Ontological Relativity // The Journal of Philosophy*. 1968. Vol. LXV, № 7. P. 185-212.

Quine, W.V.O. *From a Logical Point of View*. Cambridge, Mass.: Harvard, 1953.

Rose N. (2007) *The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. p.372. ISBN 0-691-12191-5

Sartre J.-P. *Situations I*. Paris, 1947, p.31-35.

Scheuermann R.H., Ceusters W., Smith B. *Toward an Ontological Treatment of Disease and Diagnosis From: Proceedings of the 2009 AMIA Summit on Translational Bioinformatics*, San Francisco, CA, 2009. p 116-120.

Schiller F.C.S. *Studies in Humanism*. London, 1930

Shryock R.H. *Empiricism versus rationalism in American medicine 1650-1950*.//Worcester, Mass.: American Antiquarian Society, *Proceedings*., [v.79]., - May, 1969. P.99-150.

Simon H.A. *Rationality as Process and as Product of Thought*. Richard T. Ely Lecture // *American Economic Review*, May 1978, v.68, no.2, p.1-16.

Spinelli E. *The phenomenological method and client-centred therapy // Existential challenges to psychotherapeutic theory and practice / Ed. by H.W.Cohn, S.Du Plock*. London: The society for existential analysis, 1995.

Tosam M.J. *The Role of Philosophy in Modern Medicine // Open Journal of Philosophy*.- 2014. V.4, N1, P.75-84. Published Online February 2014 in SciRes (<http://www.scirp.org/journal/ojpp>), <http://dx.doi.org/10.4236/ojpp.2014.41011>

Universal Declaration on Bioethics and Human Rights - Adopted by acclamation on 19 October 2005 by the 33 rd session of the General Conference of UNESCO - (brochure of Division of Ethics of Science and Technology Social and Human Science Sector 1, Paris France - www.unesco.org/shs/ethics - SHS/EST/BIO/06/1 - UNESCO, 2006; Foreword Koïchiro Matsuura) - (<http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001461/146180r.pdf>)

Bashlyar G. Doklad na zasedanii Frantsuzskogo filosofskogo obschestva, subbota 25 marta 1950 goda. Sm.: Bulletin de la Societe française de Philosophie, seance du samedi 25 mars 1950. Paris: Librairie Armand Colin, 1950. — Perv.

Dilman V.M. Chetyre modeli meditsiny - L.: Meditsina, 1987.- 288s.

Karpov V.P. Gippokrat i Gippokratov sbornik (vstupitelnaya statya): Gippokrat. Sochineniya, T.1. - perevod s grecheskogo V.I. Rudneva. – Gosudarstvennoe izdatelstvo biologicheskoy i meditsinskoy literatury. - 1936, S.9-81.

Kutlumuratov A.B. (1997). Bekchan A. Fizicheskoe telo cheloveka (ili neprochitannyye lektsii o polnote chelovecheskoy prirody) - Tashkent: izd-vo im. Abu Ali ibn-Sino. - 1997.- 312s.

Molchanov V. Analiticheskaya fenomenologiya v “Logicheskikh issledovaniyah” Edmunda Gusserlya (V kn.: Gusserl E. Logicheskie issledovaniya. T.II. Ch.1: Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya / Per. s nem. V.I. Molchanova. — M.: Akademicheskii Proekt, 2011. - 565s.). – S.462-557.

Platon. Soch. v treh tomah, t.1. M., 1968, s.417.